

ЛитРес:

АНДРЕЙ
ВАСИЛЬЕВ

ХРАНИТЕЛЬ
КЛАДОВ

Андрей Александрович Васильев
Хранитель кладов
Серия «Отдел 15-К»
Серия «Хранитель кладов», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51874441
ISBN 978-5-532-17832-8

Аннотация

Клады – они бывают разные. Какие-то лежат в земле и ждут, пока их выкопают. Какие-то совершенно этого не хотят. А какие-то попросту опасны для того, кто их попыбует забрать себе. Ну, если этот человек, конечно, не Хранитель кладов, персона в мире Ночи многими уважаемая и многим полезная. Вот только когда Хранителем становится тот, кто совершенно ничего не понимает ни в кладах, ни в том, что вокруг него происходит, то события могут принять совершенно непредсказуемый поворот.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	50
Глава четвертая	71
Глава пятая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Андрей Васильев

Хранитель кладов

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

* * *

Глава первая

– Шмурдяк, – презрительно сообщил мне Сивый, повертев в пальцах темный кругляш. – Советы, причем поздние.

Я худо-бедно уже начал понимать язык, на котором периодически общались мои куда более продвинутые в кладоискательстве приятели. Термин «шмурдяк» означал, что мне попался совершенно бесполезный предмет, которым нельзя ни похвастаться, ни продать и ни подарить, а место ему исключительно там, откуда я его только что вытащил. Если конкретнее – в матушке сырой земле. Ну или в массивном чугунке, который был найден близ одного из домов. Именно в него мои спутники скидывали разнообразный хлам, недостойный их внимания, при этом ласково называя сию громоздкую посудину «отстойником». Что обидно, в основном там лежало то, что находил непосредственно я, то есть пробки от пивных бутылок, куски проржавевших насквозь железяк непонятного свойства и прочие бесполезные предметы. Ну вот не везло мне. Пока не везло.

– Тебе шмурдяк, а мне сойдет, – с чувством собственного достоинства сообщил я Сивому, забирая находку обратно. – Ну да, советская монета, да еще и послереформенная. И что теперь? Денежка есть денежка. Трофей! Положу в пакетик, буду на нее зимой смотреть, про лето вспоминать.

– Тьфу! – отмахнулся от меня Сивый, отпил воды из бу-

тылки, стоящей рядом со мной, подхватил свой металлоискатель и пошел себе дальше по едва различимой дороге. – Романтик ты, Швец! Смотреть противно.

– Противно, – подтвердил Генка, находящийся неподалеку, и необидно засмеялся.

Романтик? Ну это вряд ли. Хотя, конечно, попискивание в наушниках металлоискателя, запах земли, переворачиваемой отточенной до бритвенного состояния лопаткой, и неуловимый аромат авантюризма, носящийся в воздухе, немного кружили мне голову.

Но не настолько же?

Хотя по сравнению с моими школьными друзьями, которые и взяли меня в эту поездку за приключениями, я, разумеется, выглядел именно так. Эта парочка была деловита и спокойна, у меня же эмоции нет-нет, да и прорывались наружу.

Самое забавное, что все это неправильно, причем совершенно. В смысле, это я обязан выглядеть матерым зубром-поискови́ком на их фоне, а не они на моем. В конце концов, у меня за плечами факультет архивного дела. Историко-архивного, если точнее. Однако жизнь – странная штука, и в результате мои давние приятели, получившие дипломы то ли финансистов, то ли экономистов, уже который год развлекаются поиском древностей, а я, профессиональный историк, впервые в своей жизни взял в руки металлоискатель. Чудны дела твои, Господи!

Но, с другой стороны, ничего странного в этом нет. На «раскопы» наш факультет сроду не ездил, это прерогатива краеведов и археологов. Не допускали архивистов до «поля», поскольку наше дело бумажное, пергаментное и берестяное, оно не предполагает лазания по древним городищам, проживания в дикой степи и прочих радостей экстремального пле-нэра. Делопроизводители мы, если быть совсем уж точным, правда, с историческим уклоном. Потому народ на факультете подобрался соответствующий, на девяносто процентов состоящий из довольно умных и неуловимо похожих друг на друга девушек, нацеленных на то, чтобы к тридцати, край – к тридцати трем годам занять должность заместителя. Заместителя кого? Да хоть кого. Главное – заместителя.

У меня иногда складывалось впечатление, что их где-то клонируют, а после запускают в те учебные заведения, где возможен недобор на те или иные факультеты. Ну чтобы вуз пустышкой никто не назвал и лицензию образовательную за ненадобностью не отобрал. Как я там не спился за время учебы – сам не понимаю. Такая иногда тоска нападала, хоть вешайся, особенно после невосполнимой потери двух единственных нормальных одноклассниц. Одна замуж вышла и следом за этим взяла «академку» по беременности, а вторую отчислили за неподобающее поведение. Представляете, что человек должен учудить, чтобы в наше безбашенное время его вот так отчислили?

Кстати, я так и не выяснил, что именно Арина сделала,

хоть и пытался. Она не рассказывала, а больше узнать не у кого было.

Впрочем, и в этой профессии, поверьте, тоже есть своя прелесть, несмотря на все вышесказанное. Иные бумажки читаются похлеще детективов. Правда, попадаются они мне нечасто, поскольку ныне я тружусь не в большом музее или серьезном исследовательском центре, а в маленькой конторке, эдаком складе-отстойнике. Древностей, которые могут послужить первоосновой открытия мирового масштаба, у нас нет, зато хранятся груды бумаг, датированных восемнадцатым-девятнадцатым веками, каким-то чудом уцелевших в перипетиях беспокойного двадцатого столетия. До сих пор не понимаю, почему их тогда в распыл не пустили, как наследие царского режима.

Мало того, наш архив умудрился каким-то образом оставить за собой помещение, расположенное в одном из уютных арбатских переулков. Ну не целое здание, разумеется, а два этажа – первый и подвальный, по бумагам проходящий как «цокольный». Моя начальница, Розалия Наумовна, которой еще в начале века не меньше чем сто лет стукнуло, по крайней мере на вид, иронично называет его «встроенный флигель».

А мне нравится. Да, летом, особенно после дождя, там душновато, а зимой, когда снега навалит много, свет внутрь помещения вообще не попадает, но есть в этом подвальчике что-то такое неуловимое, атмосферное. Иногда я даже жду,

что в крошечное окошко, которое кое-кто из коллег называет форточкой и около которого стоит мой рабочий стол, вдруг стукнет женская ножка в черной туфельке с бантом.

Это все-таки Арбат. Тут иногда сказки становятся реальностью.

Собственно, именно там я и встретил Сивого, которого, признаюсь, не с первого взгляда узнал. Вроде как одноклассники, одиннадцать лет бок о бок провели, да и связывало нас в прошлом многое, причем как хорошее, так и плохое, а все равно – еле узнал. Меняют годы и одежда человека, меняют. Вроде и времени с нашей последней встречи прошло не так много, а поди же ты...

Случилось это весной, в один из тех дивных дней, когда молодая листва радуется взгляду зеленым, а нос – ароматом свежести. Я как раз вылез из своего подвала покурить после обеда. Да-да, знаю, что это плохая привычка, но избавиться от нее пока не могу. Вернее, не хочу. Возможно, из чувства протеста, уж очень активно стали курильщиков уничтожать как класс. А мое сердце всегда на стороне угнетаемых, как у того капитана Немо.

– Валерон? – крепко сбитый мужик остановился рядом со скамейкой и уставился на меня, вольготно раскинувшегося на ней и пускавшего кольца дыма. – Да ладно! Швецов, вот так номер!

– Сивый? – взгляделся я в него повнимательней. – Фига себе ты закабанел! В тебе же было килограммов шестьдесят, не

больше. Помнишь, мы, когда сильный ветер дул, хотели гантели к твоим ногам привязывать, чтобы ты не улетел в Волшебную Страну и не обесчестил как Элли, так и всех волшебниц, что там водятся, включая страхолюдную Бастинду?

– Ну да, маленько поправился, – признал мой неожиданный собеседник и похлопал себя ладонями по животу, распахнув дорогой пиджак. – Но не жир, не жир. Мышцы!

– Само собой. Мистер Вселенная, модель в масштабе три к одному, – ухмыльнулся я, сдвигаясь в сторону. – Присаживайся, если не спешишь, потрем. Сто лет не пересекались, если не больше.

– Пять, – уточнил Сивый, который всегда во всем любил точность. – С моей первой свадьбы.

Нет, так-то я ни капли не удивился, увидев здесь собственного одноклассника. Москва хоть и большая, но деревня, потому никогда не знаешь, с кем где столкнешься. Запросто может случиться так, что, живя на соседних улицах, ты человека годами не встретишь, зато он попадется тебе навстречу на другом конце города сразу же после того, как ты впервые там окажешься. Так что появление в нашем тихом и обычно безлюдном маленьком дворике Пашки Сивцова, более известного мне под кличкой Сивый, меня, повторюсь, ни капли не смутило. То, как он изменился, – да. А остальное – нет.

– Я твою маму недавно видел, – порадовал меня он сразу же, – тетю Марину. Она сказала, что ты из района давно уже свалил.

Ну да, годы могут идти, мы все станем сначала юношами, потом молодыми мужчинами, а после и мужиками за тридцать, но наши мамы для друзей так и останутся тетями Мариными, тетями Светами и тетями Тамарами. Оно и не странно, я сам Пашкину мать, кроме как тетей Леной, и не называл вроде никогда. Начиная с детского сада, из которого наша группа после перешла в один класс, практически не поредев при этом до самого окончания школы.

– Есть такое, – признал я. – Захотелось независимости и свободы.

Ну, все обстояло не совсем так, и кто-кто, а Пашка-то как раз, полагаю, прекрасно понимал, что к чему, но фокусировать внимание на этом не стал. И правильно, ни к чему тревожить прошлое.

– Это нормально, – одобрил он тем временем мои слова. – Я и сам того же мнения. Но, знаешь, я прямо у нас квартиру купил, в новостройках. Реновация и все такое. Несколько хрущевок из совсем старой застройки снесли, на их месте новые дома поставили, вот я и подсуетился. Хорошие дома, стилизованы под те, в которых мы росли, чтобы сохранить неповторимую атмосферу престижного района. Неохота никуда оттуда уезжать, если честно. Все-таки малая родина.

И потекла привычная для такой встречи беседа. Кто, что, где, когда – стандартный набор вопросов. В основном говорил Сивый, он наших общих знакомых видел куда чаще, чем я, живущий теперь на противоположном конце города. По-

вторую – исход из отчего дома был моим сознательным выбором. Проще говоря, после некоего неприятного события я пожелал убраться куда подальше от этой самой малой родины.

Как выяснилось, после первого брака, который закончился, толком даже не начавшись, Пашка еще один раз успел жениться, и с тем же результатом. Узнав же, что я до сих пор в загсе бывал только как соглядатай, он пожурил меня, заметив, что мужчина, ни разу не вступавший в брак, никогда не осознает до конца, насколько сладко слово «свобода». И вообще, у некоторых уже вон, две звезды на фюзеляже, а я все дурака валяю.

Собственно, именно после этой фразы он повертел головой и спросил:

– А ты вообще тут как? У адвокатов работаешь, что ли? Еще и юридическое получил, да? Правильно, я тебе еще тогда говорил, что ты не в тот вуз пошел.

Ну да, второй и последующие этажи дома, где находилась моя конторка, занимало адвокатское бюро, очень старое, чуть ли не советских времен, и очень дорогое. Оно не стремилось к широкой известности, но при этом нужды в клиентах не испытывало, причем те были все один к одному, как огурчики в бочке на рынке, – в дорогих костюмах, при дорогих часах и с парой-тройкой крепких ребят за спиной. Есть у меня подозрение, что дружба этих адвокатов со своими клиентами уходит корнями в те времена, когда вместо

костюмов последние носили кожанки, а вместо часов – толстые нашейные золотые цепи. Сам я «лихие» девяностые не помню, но «Бригаду» смотрел, что к чему знаю.

Соседи, кстати, как-то раз попытались нас выселить, причем используя как свои навыки, так и подключая административный ресурс. Вот только ничего у них не вышло. Розалия Наумовна просто кому-то позвонила, пожаловалась на то, что архивное дело России ждет невосполнимая утрата в виде отъема помещения, и через пару дней вопрос снялся сам собой. Мало того, следом за этим адвокаты приволокли моим старушкам торт размером с тележное колесо, добавив к нему в комплект пяток бутылок дорогого шампанского, и больше никаких имущественных претензий у них к нам не возникало.

До сих пор интересно, кому Розалия тогда позвонила? Я было подкатил к ней с этим вопросом, но ответа так и не получил.

– Не, – помотал головой я. – На кого учился, тем и стал. Вон, видишь кусочек стекла? Там мой кабинет, и я называю эту брешь окном.

– Н-да, – почесал затылок Сивый. – Сказал бы я, что не так у тебя все плохо, но врать старому другу не хочу. Это неправильно.

– На самом деле не так все мрачно, как ты думаешь, – я достал новую сигарету. – Хочешь верь, хочешь не верь, но мне моя жизнь нравится. Да, я бюджетник, да, сижу в под-

вале, зато никому ничего не должен. Ты же к адвокатам, да еще к вот этим, не просто так заглянул, верно? Значит, припекло?

– Не то чтобы, но... – Сивый поморщился. – Есть там один, в городской администрации, желает получать больше, чем стоит. Но может, гад такой, кровь мне попортить, чего не хотелось бы. Так что вот, заранее страхуюсь, на случай «если чо».

– О! – я поднял указательный палец вверх. – А нам, вольным историкам, все это по барабану. Зарплату, пусть и небольшую, не задерживают, работой излишне не трудят, а начальство у меня помнит городской транспорт тех времен, когда его еще не трамваем, а конкой называли. Оценил, какая бездна времени? То-то. Оно не в маразме, слава богу, но уже в том состоянии, когда дни слипаются в большой ком, так что один от другого не сильно отличишь. Это дает возможность для маневра.

– Ты всегда был чудиком, – с легким превосходством отметил Пашка, а после задал совершенно неожиданный вопрос: – А на «копы» ездешь, историк? И куда, если не секрет? Нет, если нельзя, не говори, неприятности никому не нужны. Но, может, дашь наводку на какое «жирное» место?

– Мои «копы» тут, – я показал приятелю на окно. – Какое там... А тебе-то что за интерес?

А потом, по мере того как я слушал Сивого, меня начали одолевать сразу два чувства: зависть и, как это ни при-

скорбно, стыд. Ну сами посудите, я, работник исторического фронта, сроду с металлоискателем в руках не ходил, а Пашка, который занимается какими-то денежными делами, оказывается, что ни лето, на пару с другим нашим одноклассником выезжает в «поля». Не в Европы за приключениями, не на юга за сомнительными удовольствиями, а в «поля» за преданиями старины глубокой.

Срамота да и только...

Надо отдать Сивому должное, он проявил определенную тактичность. Поняв, что я далек от данных радостей жизни, мой приятель не стал унизительно хихикать, показывая на меня пальцем, или укоризненно цокать языком, давая понять, насколько низко пала наука. Напротив, он сказал:

– Давай-ка, Швец, телефонами махнемся. Мы с Гендосом в июле, как всегда, на «коп» поедem и тебя с собой прихватим. Третьим будешь.

– Не вопрос, – сразу же согласился я, доставая из кармана смартфон. – Диктуй свой номер, а я тебе перезвоню.

Дело было еще в мае месяце, а к лету я про эту встречу уже забыл совершенно. Ну, поговорили и поговорили, что теперь? Мы все, общаясь со старыми друзьями, которых давно не видели, непременно заканчиваем беседу фразой: «А вообще, надо бы встретиться, посидеть, поболтать». Но это желание почти никогда не становится реальностью, потому что у всех полно дел в дне сегодняшнем и нет времени на воспоминания о прошлом.

Потому, когда в начале июля раздался звонок и на экране высветилось «Паша Сивый», я удивился безмерно.

– Швец, здорово, – деловито проорал в трубку тот. – Через две недели едем, так что давай, бери отпуск. Надеюсь, проблем с ним не будет?

– Никаких, – подавленный таким напором, пробормотал я. – Слушай, только...

– «Заднего» включать некрасиво, – притворно-грозно гаркнул Пашка. – И Гендос не поймет, а ты его знаешь.

Гендоса я знал, да еще как. В годы детства и юности он был первым блюстителем неписаных пацанских законов, которые уходили корнями в легендарное прошлое нашего старого московского района, и требовал того же от остальных. Он никогда не трогал своих врагов, если встречал их с девушками, никогда не добивал тех, кто уже лежит на земле, и считал зазорным зажимать в кулаке «свинчатку» для усиления удара. Впрочем, ему и не надо было с такой накачанной бицухой.

Он не поймет, это верно. Детство наше давно прошло, но рука у Генки наверняка до сих пор тяжелая...

– Я не о том, – виновато просопел в трубку я. – У меня просто этого нет... Ну... Инвентаря. Металлоискателя то есть.

– Да не парься, – успокоил меня Сивый. – Я себе на Новый год подарок сделал – нового «гарика» купил. А тебе отдам свой старый «трактор». Вполне приличная машинка, три се-

зона с ней отходил.

– Переведи, – попросил я его.

Оказывается, под именем «гарик» скрывался металлоискатель фирмы «Гаррет», а «трактор» – это аналогичный прибор, но другого изготовителя.

Поняв, что теперь отказ точно невозможен, я подтвердил свое участие в походе, хоть глубоко в душе этого уже не очень и хотел. Приятно помечтать о подобном приключении, стоя вечером на балконе и куря сигаретку, а вот загрузиться в машину и помчаться неведь куда на самом деле – это, знаете ли, немного другой коленкор.

Но слово надо держать, раз уж оно дано, и потому через две недели я сидел на заднем сиденье черного «Хаммера» и смотрел в окно, за которым мелькали деревья.

– «Вкусное» место, – разорялся тем временем Сивый, сидя за рулем. – А, чтоб тебе, тут никакая подвеска не сдюжит, на таких колдобинах! Так вот, там раньше деревня стояла, старая, как дерьмо мамонта, ее еще во времена царя Гороха отстроили. Она царизм пережила, две войны, коллективизацию и все остальное. Но перестройку не осилила, это да. Зато теперь есть где походить, добра поискать.

– На таких местах много чего лежит, – подтвердил Генка. – Да и направление мы взяли хорошее, «Минка» – это «Минка». Здесь и «францы» попадают, и «тевтоны». Хотя нечасто, конечно. И то, и другое уже здорово подвыбрали.

Это он, должно быть, имеет в виду Отечественную войну

1812 года и все то, что осталось в русской земле от доблестной наполеоновской армии. Ну да, они же как раз по этим дорогам в Москву шли, по ним и обратно брели. Ну а «тевтоны», надо думать, – это останки других завоевателей, тоже изрядно удобривших своими телами наши поля и леса.

Против моих ожиданий, мы не так и далеко от столицы отъехали, верст сто пятьдесят, не более. Ну и еще по проселкам километров двадцать отмахали, прежде чем свернули на совсем уж раздолбанную лесную дорогу.

– Это у нас, – заметил Сивый, вцепившийся в руль обеими руками. – А вот если под Питером копать, то там немецкого добра еще лет на триста припасено. Только дело это опасное – и на мину можно нарваться, и на гранату. Невская земля этим добром нашпигована.

– Да и не любят аборигены конкурентов, – добавил Генка. – Особенно из числа тех, кто болеет не за «Зенит», а за «Спартак». Запросто можно на пулю нарваться, у питерских с этим просто, они ребята резкие.

А вот про это я слышал. Говорят, в начале этого века там на особо «хлебных» местах даже перестрелки случались, причем в ход шло то самое оружие, которое было поднято из земли.

– Так что на фиг надо, – подытожил Пашка. – Мы же не для денег копаем, а для души. Я вот в прошлом сезоне наперсный крест шестнадцатого века «поднял». Мог бы себе оставить, но отнес в музей в качестве безвозмездного дара.

Пусть будет.

– И два раза туда ходил, проверял, чтобы не спер кто из персонала, – хохотнул Гендос.

– Имею право, – с достоинством произнес Сивый, – как даритель. Ох, мать твою так, откуда же тут такие рытвины? Как танки прошли!

Но мы все же добрались до нашей цели. Надо признать, крайне неприглядной.

Да, когда-то тут на самом деле стояла большая деревня, это было понятно с первого взгляда, но с тех пор много воды утекло. Большинство домов представляло собой жалкое зрелище, зияя провалами крыш и наводя тоску слепотой бесстекольных окон. Нет, имелись и те, которые еще сопротивлялись времени, но все равно становилось ясно – это место заброшено и необитаемо. Об этом говорили и молодые березки, тянущиеся к солнцу везде, где только можно. Лес забирал обратно то, что когда-то у него отвоевали люди.

Еще мне стало немного жутковато, даже снова в машину захотелось залезть. Все-таки есть в некогда обжитых местах, которые люди покинули навсегда, нечто неприятное. Дискомфортное, я бы сказал.

А вот моих приятелей печалили совершенно другие детали в местном пейзаже.

– Козырное место, козырное место, – разорялся Сивый, махая руками. – «Выбитое» оно, это место!

– «Ямщики» поорудовали, – подтвердил Гендос, сплюнув

на землю. – Козлы! Паш, ну откуда я мог знать, что они сюда нагрянут, а? Я ж не Ванга, будущее не вижу. Мне дали наводку, а решение мы с тобой принимали вместе.

– Да ты тут при чем? – отмахнулся Сивый. – К тебе претензий нет. Но вот встретить бы этих паразитов – я бы об них свои берцы обновил!

Оказывается, «ямщиками» называют тех «поисковиков», которые после того, как пороются в земле, так раскоп и оставляют. У кладоискателей, что профессиональных, что любителей, оказывается, тоже есть свои негласные правила и уложение, одно из них гласит: «Раскопал – закопай обратно». Но, разумеется, как и в любом обществе, находятся те, кто на подобные частности плюют, их и называют «ямщиками». Ну и бьют, если ловят, разумеется.

Сивый еще немного поорал, но после успокоился, поскольку выяснилось, что те, кто нас обогнал, копали только на окраине, а после то ли уехали искать более прибыльное место, то ли решили вернуться сюда потом. Это кое-как примирило нашего приятеля с действительностью, поскольку очень ему не хотелось еще сто верст ехать. У них с Генкой, оказывается, на подобный случай еще одна резервная точка имелаась, аж где-то за Вязьмой.

Я думал, что мы займем один из более-менее уцелевших домов, но мои друзья, когда я озвучил данное предположение, только обменялись добрыми улыбками, а после начали ставить палатку неподалеку от машины. Хорошую такую, не

чета тем, с которыми мы детстве ходили в поход. Я бы сказал, комфортабельную.

А еще они налили в пластиковый стаканчик водки и поставили к стене крайнего дома.

– Это традиция? – поинтересовался я у Сивого. – Да?

– Ага, – почесал тот бок, а после отвесил поклон. – Давай, спина не переломится. Земляной дед невеж не жалуется.

Земляной дед. Это, наверное, фольклорный покровитель кладоискателей, который приносит удачу трудолюбивым и вежливым, одновременно с этим наказывая жадин и грубиянов. В принципе, все верно, сложившейся формации людей без своего покровителя никак не обойтись. У любителей пещер есть черный спелеолог, у рыбаков – святой Трифон, а тут, стало быть, земляной дед.

Шутки шутками, а этот несуществующий персонаж, похоже, и в самом деле неплохо относился к моим приятелям. Как только после обеда они металлоискатели свои расчехлили и наушники на головы напялили, так Сивый радостно гукнул:

– Опа, поклевочка!

Сигнал он поймал близ одной из почти развалившихся изб. Черные бревна, некогда являвшиеся ее стенами, сейчас торчали из провала во все стороны, и даже страшновато становилось – а не завалит ли тебя ими?

Лопатка вошла в землю, подрубая корни сорной травы, и минут через пять Пашка подбрасывал на ладони какой-то

кругляш, в котором с трудом угадывалась монета.

– «Крокодильчика» поймал? – глянув через плечо приятеля, спросил у него Гендос. – Не самая плохая примета. Ходим вокруг, ищем, может быть россыпь.

– Почему «крокодильчика»? – заинтересовался я.

– Цвет монеты видишь? – пояснил Пашка. – Она почти зеленая от окиси, так что можно выбрасывать, поскольку проку никакого от нее нет. Медь же. Ген, по ходу, «двундель».

Наш друг взял монетку, подбросил ее на ладони и согласен кивнул.

– С учетом того, кем я по профессии являюсь, мне дико стыдно за невежество, но что такое «двундель»? – вздохнул я, осознавая собственное несовершенство. – Если не сложно.

– Двухкопеечная монета времен царствования Александра Первого, – охотно ответил Гендос. – Она из царских, чаще всего попадает именно в таких местах, потому практически ничего и не стоит. Конечно, все зависит от монетного двора, где ее чеканили, но раритет – он такой раритет, процентное соотношение успеха и неудачи всегда не в нашу пользу.

– «Николашки» не реже попадают, – возразил ему Пашка. – Но тоже, как правило, «убитые».

– А вот ты сказал «в таких местах», – уточнил я. – В смысле в деревнях?

– Ну да, – Генка зачем-то начал шарить ногой в крапиве у стены. – Каждой монете – свое место. Например, «аннин-

ская» медь чаще всего в полях встречается. Не знаю, отчего так. То ли селяне считали хорошей традицией пару монет в пашню перед посевом бросить, то ли так любили Анну Иоанновну, что не жалели денег, лишь бы ее хоть как-то похоронить. Не просто же так сию венценосную особу «Кровавой» окрестили.

– А монеты эти в народе прозвали «царица полей». Если интересно, когда вернемся, то ко мне заскочим, у меня их дома много скопилось, – добавил от себя Сивый. – Ген, ты чего там ищешь?

– Уже нашел, – наш друг нагнулся и вытянул на свет божий старый массивный котел, бока которого были рыжими от ржавчины. – Как знал, что эта рухлядь тут валяется. Интуицию не пропьешь. Кидай сюда своего «крокодильчика». Считай, счет открыт.

И верно – котел начал потихоньку заполняться, причем чаще всего моими находками. Вот не везло и все тут. Начал с того, что выкопал шесть «бескозырок», одну за другой. «Бескозырка» – это пробка из фольги, именно такими во времена позднего СССР запечатывали водочные бутылки. Ее, срывая ногти и матерясь, сковыривали с горлышка колхозные трактористы, после чего она летела на землю, затапывалась и долго ждала того момента, пока Валера Швецов не найдет ее с помощью металлоискателя.

Ребята знай надо мной посмеивались, приговаривая, что через это все проходили. Есть у меня подозрение, что как-то

можно по сигналу отсортировать фольгу от всего остального, но как именно, я не знал, а они не рассказывали.

Так и прошло несколько дней, мы методично обшаривали деревню, на самом деле большую, причем в активе у ребят уже значились довольно приличные, на мой взгляд, находки, вроде старых нательных крестов, нашейных иконок и разнообразных монет, относящихся практически ко всем представителям династии Романовых, кроме, пожалуй, самых первых. А еще Сивый нашел чью-то давнюю захоронку, в которой обнаружили три десятка потемневших от времени серебряных полтинников 1925 года, проржавевший в хлам наган и дюжина патронов к нему. Как видно, какой-то крестьянин предвидел то, что по его душу вот-вот нагрянет ОГПУ, и доверил последние сбережения земле, но так за ними и не вернулся. По крайней мере, мне именно эта версия была наиболее близка.

И вот сегодня я наконец-то нашел свою первую монету, на которой можно было хоть что-то разглядеть. Жуткого вида денежки мне попадались частенько, но назвать их «добычей» у меня язык не поворачивался. Некоторые из них вообще прямо в руках крошились. Как верно было замечено, медь же, не золото. И почва тут не песчаная, в которой все лучше сохраняется.

– О, подберезовик, – сообщил нам вдруг Гендос. – Смотри-ка!

– Ты о чем сейчас? – снял наушники Сивый. – А?

– Ну а сам как думаешь? – наш друг поднял над головой крепкий гриб с коричневой шляпкой. – Вот, толстоножек, первый в этом году. Надо же, как рано пошли. Хотя... Дожди лили, теперь вот тепло пришло, чего им не лезть? Надо будет в лес наведаться, может, на похлебку наберем. Надоели консервы.

– Так давайте схожу, – охотно отозвался я. – Не вопрос.

Я очень люблю собирать грибы, еще с детства, даже больше, чем их есть. Наверное, где-то на генетическом уровне у меня в крови заблудилась пара хоббитских эритроцитов, потому как вся родня по отцовской линии, как, впрочем, и сам родитель, тоже является большими поклонниками «тихой охоты».

– Только навигатор включи и прямо сейчас отметку поставь, – посоветовал мне Сивый. – Ты человек не лесной, как и мы, заблудишься только так. А здесь не ближе Подмосковье, где на три дерева одна ретрансляционная вышка приходится, бродить долго можно, пока к людям выйдешь. Да и живность в этих лесах присутствует, причем отчасти плотоядная.

Думаю, что если кто и виноват в том, что я в результате действительно заблудился, так это Пашка. Он, гад такой, накаркал!

Нет, сначала все шло нормально, ведерко потихоньку заполнялось славными подберезовичками, которые, похоже, в самом деле только-только начали лезть из-под земли неболь-

шими семействами по три-четыре крепыша. Сердце радовалось, душа пела, фотки на телефоне получались отличные, и я как-то сам не заметил, как оказался на краю небольшого болотца.

Про него мне ребята ничего не рассказывали, и стало ясно, что от лагеря и деревни я удалился неслабо. Никакого испуга по этому поводу я не испытал, открыл навигатор, и в животе у меня немного похолодело.

Сигнала не наблюдалось. Никакого. «Связь со спутником потеряна, вернитесь в зону доступа».

Я бы и рад, да где она, эта зона? Куда идти-то? Может, вон туда?

В результате я мотался по лесу часа три, пока темнеть не начало. Перелески сменяли опушки, которые мне потихоньку начинали казаться теми самыми, которые неподалеку от нашей стоянки были, но, увы, увы, это была только видимость. Сигнал так и не появился, никаких звуков, кроме гула ветра в кронах деревьев, я не слышал, и о том, что где-то все же имеется цивилизация, мне напоминали самолеты, время от времени пролетавшие надо мной высоко в небесах. Я даже на дерево слазал, но результат не последовал. Когда вечер накрыл лес, я уселся под живописную березку на какой-то очередной опушке и еще раз глянул на экран смартфона, чтобы убедиться в том, что сигнал не появился. Лучше бы я этого не делал, поскольку оказалось, что до кучи еще и батарея у моего аппарата перешла в красное деление.

– Беда, – сказал вслух я, вздохнул и отключил смартфон окончательно.

Интересно, а Сивый с Генкой додумаются мне побибикать? Ночью звуки лучше слышны, может, я не так далеко от них и они до меня донесутся?

Бибиканья не услышал, но зато через часок, когда ночная прохлада потихоньку начала покрывать мурашками мои руки, я заметил неподалеку от меня яркую искорку костра. Ну как неподалеку? Где-то там, за небольшим перелеском, километрах в полутора.

Костер – это очень хорошо! Разбойники в этих краях уже лет сто как перевелись, охотники за рабами в наших широтах не водятся, так что это или местные жители, или туристы. В любом случае они хотя бы сориентируют меня по местности, а если повезет, еще и накормят. Опять же – у меня с собой деньги есть, пусть и немного. Если там на самом деле аборигены, то авось сговоримся, они меня до нашего лагеря доведут. Возможно, даже на тракторе. Приключение как есть!

Имеется, конечно, вариант, что мне могут морду набить как городскому, но он не настолько и вероятен. Да и выбор невелик – либо тут мерзнуть в компании с комарами, завывающими на все лады, либо идти навстречу возможной удаче.

Дальше я раздумывать не стал, подхватил ведро и спешно побежал в том направлении, где сияло пятнышко костра.

Глава вторая

Кстати, именно сегодня я осознал, что означает фраза «темно как в лесу», причем в полной мере. Как есть – сумерки богов. Пока мчался, два раза упал, зацепившись ногой о корни деревьев, со всего ходу влетел в какой-то невероятно колючий кустарник да еще и зайца спугнул, который неподалеку от него надумал ночь спокойно провести. Даже не знаю, кто из нас сильнее напугался – я или он.

Но плевать. Мне надо туда, где свет и люди. Ну как именно сейчас на моих глазах эти любители ночных посиделок загасят костер и уедут? А я так останусь тут, в этой темноте?

Не хочу! Не то чтобы я боялся, просто неудобно как-то. Да и ребята там наверняка меня уже изматерили по полной, сто раз при этом пожалев, что с собой прихватили.

Я бежал, спотыкаясь и падая, а костер отчего-то ближе не становился, знай себе светя яркой точкой где-то там, впереди. По всему судя, мне бы следовало уже туда добраться, но нет, все никак. Причем, что странно, лес-то вокруг довольно густой, непонятно, как вообще я этот огонек вижу. Но он есть. И я к нему стремлюсь.

И только минут через десять мне, окончательно запыхавшемуся и мокрому от вечерней росы, в которой при падениях я изрядно извалялся, удалось выскочить на опушку березовой рощи. За ней начиналась широкая лесная поляна, на

противоположном конце которой у огромного дуба, подпиравшего звездное небо, полыхал жаркий костерок.

Вот только кучи местных парней, весело распивающих спиртное в компании с грудастыми подругами, я там не заметил. Нет, далеко, темно, это ясно. Но тени-то должны мелькать? Голоса слышаться, пение, музыка из машины?

А тут ничего такого. Хотя нет. Одна тень извивается на фоне, вроде как по очертаниям женская. И эта загадочная незнакомка, похоже, пляшет?

Вот ведь, чего только в ночном лесу не встретишь. Но, с другой стороны, сейчас никого подобным не удивишь. Может, она родновер, они и не такие штуки откалывают, наслышан я про их проказы и ритуалы. А может, в меру зажиточная офис-леди по совету личного психолога вот так стресс снимает. Единение с природой по заветам предков, все такое, сейчас это в моде. Отъехала куда подальше, разделась догола и давай коленца выдавать, наивно полагая, что древние славянки вот так же изгалялись.

Да плевать. Главное, чтобы она мне хотя бы телефон дала Сивому позвонить, изложить, что к чему. Или мой подзарядить разрешила. Наверняка ведь машина у нее где-то тут стоит, не на своих же двоих она в этот лес пожаловала?

Высокая трава шуршала под ногами, джинсы, и без того влажные, теперь промокли так, будто я в них речку переплывал, но это все меня не очень волновало. Не зима на дворе, и я не сахарный, не растаю.

Кстати, эта ночная танцовщица еще и пела, в какой-то момент я начал слышать ее голос, ради правды – очень и очень приятный. Со слухом у девушки все в порядке, небось, музыкалка за плечами. Правда, мотив странноватый, да и текст тоже, вроде как на русском, но ни одного слова я разобрать не смог, как ни пытался. Хотя в этом травяном море и себя-то не расслышишь, даже если в голос начнешь говорить. Все шуршит, потревоженные кузнечики, стрекоча, в разные стороны прыгают, мотыльки норовят в глаза крыльями ударить. А уж как комары за ушами завывают – это я вообще помолчу. Так что ничего удивительного.

Я почти добрался до дуба-исполина, когда пламя костра вдруг взвилось чуть ли не в небеса, как видно, певунья туда розжига мангального плеснула для пущего веселья. Или бензинчику, такое тоже возможно. Ух, как высоко огонь взметнулся! Как бы ветки дерева не подпалил.

Девушка взвизгнула, громко и страстно, после же раздалось некое шипящее ворчание, да такое смачное, что даже сомнения появились: а она там точно одна? Может, я просто мужскую тень не заметил? Ну как они сейчас там друг дружке приятное делают, а тут я из травы вылезу, мокрый и грязный? «Здрасьте вам, позвонить не найдется?».

Неудобно может получиться. Да и по роже получить можно за несвоевременное появление. Я бы в такой ситуации нежеланному визитеру непременно в глаз засветил. Из принципа.

Но я уставший, мокрый и, если совсем уж честно, голодный. Не до женского тела, имеется в виду, а вообще. Любовные утехы – это прекрасно, но есть же и законы человеческого общежития, в конце концов. Я ведь мог и не знать, чем эта парочка занимается, вот и вышел на огонек. Это всяко лучше, чем подглядывать. Честнее.

Убедив себя в собственной же правоте, я преодолел последние метры по лугу и оказался на небольшой утоптанной площадке, где жарко трещал огонь, но в помине не было никакой слившейся в любовном экстазе парочки.

Нет, девушка-то как раз имелась. Темноволосая, красивая и стройная, облаченная в странный балахон, похожий то ли на старинную рубаху в славянском стиле, то ли на обычную ночную сорочку с вышивкой по вороту. Странной такой вышивкой, в виде сплетенного в кольца змея. Причем в руке она держала нож с коротким лезвием черного цвета, которым, похоже, только что полоснула себе по руке. По крайней мере, с ладони ее капала кровь.

И змей тоже здесь имелся! Внушительный, огненный, высоченный, пламенный. Это его, похоже, я принял за недавнюю яркую вспышку. Признаться, даже загляделся на это диво, покачивающееся в языках пламени. Очень здорово сделано, на совесть!

– Во китайцы дают! – вместо приветствия сообщил я девушке, которая с удивлением уставилась на меня. – Могут, когда хотят! А вы где такой фейерверк покупали?

Ну да, наверное, не стоило с этого начинать, но правда же впечатляет. Я бы на такой разорился, чтобы на следующий Новый год запустить, порадовать своих коллег по архиву. Они славные старушки, почему бы и нет?

– Ты кто? – свистящим шепотом спросила девушка, глядя на меня с нескрываемой ненавистью.

Огненный змей колыхнулся и чуть наклонился в мою сторону, как видно, под дуновением ветра.

Ох, как здорово смотрится! И глаза у него как у настоящего, и жало вон между двух бело-огненных клыков шевелится. Это сколько же такой стоит? Нет, наверное, мне подобное не по карману, небось, на заказ делали.

– Валера, – добродушно ответил я, сделал несколько шагов вперед и протянул ей руку, делая вид, что не заметил недовольства. – Швецов. Из Москвы.

Откуда под ногами на этой ровной, как стол, поляне взялся корень, понятия не имею. Но он был, и я об него запнулся. Мало того – усложнил знакомство тем, что не удержал равновесие и налетел на эту красавицу, сбив ее с ног. Да еще и на нож напоролся, спасибо хоть что ладонью, а не животом.

Молодец она, конечно, нашла с чем танцы танцевать! Нет чтобы бубен взять или, там, ленту какую.

Боль резанула руку, как видно, поранился неслабо.

– Блин! – поморщился я, обратив внимание на то, что нож из рук незнакомки я пусть и случайно, но выбил. – Да что за день сегодня такой?

– Пошел вон! – зло рывкнула девушка и пнула меня ногой, обутой в черную кроссовку. – Вон!

– Извините, конечно, – поднимаясь на ноги, произнес я. – Не нарочно же толкнул, случайно. И орать так не надо! Да и наказали вы меня, вон как рука кровит.

Я махнул ладонью, с которой в разные стороны, в том числе и в костер, полетели багровые капли, блестящие в отсветах пламени как рубины.

– Нет! – снова выпучила глаза незнакомка, а после припечатала ладонь ко лбу. – Нет-нет-нет!

Блин, да она, похоже, с приветом, причем изрядным. Прямо на всю голову. Ну что за непруха, а? Может, тут на весь лес один человек имеется, и тот не в своем уме?

Чую, позвонить она мне не даст.

А после мысли о суетном из моей головы вылетели, что канарейки из клетки. Потому что когда тебя приподнимают в воздух и подносят к огненной пасти не китайского фейерверкового, а, похоже, самого настоящего огненного змея, то ни о чем, кроме того, что происходит в данный момент, ты думать не можешь.

– Я получил кровь, ведьма, – прошипел змей, да так громко, что у меня чуть уши не заложило. – Вот только ты на этот раз перехитрила саму себя. Жертва принята!

Жертва? Это он обо мне?

– Великий Полоз, моя кровь – жертва! – заорала девушка. – Моя!

– И твоя тоже, – голова змея склонилась вниз к той, кого он назвал ведьмой. – Но ты порождение Ночи. Ты не имеешь права на владение знаком и знаниями.

– Но я могу просить о снисхождении, – девушка бестрепетно смотрела в глаза змея, – и о вашей милости. Мне нужна одна вещь, с ней я обрету то, что мне сейчас недоступно. На знак и знания я не претендую.

– Что мне до твоих нужд и желаний? – рокотнул змей, и его хвост, оплетший меня за пояс, дернулся, отчего мои зубы лязгнули. – Ты одна из тех, кто даже не оставит следа на лунной дороге. Я видел сотни твоих предшественниц, они тоже приходили ко мне со своими просьбами, им были нужны вещи, которые помнят тепло рук Великих, которые впитали их силу, их мысли, их власть. Все они говорили: «Дай, дай, дай». Но ни одна не сказала: «На». Ни одна. До тебя – ни одна.

– А? – девушка явно не понимала, куда гнет это чудище, я тоже. Но мне было и неинтересно. Мне хотелось понять, к чему ранее прозвучало слово «жертва». И еще – как бы так вывернуться и сбежать отсюда?

Ну, или хотя бы сознание потерять. Потому что чем дальше, тем страшнее мне становилось, а бояться я не люблю.

– Этот человек, – хвост поднял меня чуть повыше. – Да, я знаю, что не ты привела его сюда, но без тебя он бы не пришел. Судьба определяет будущее, таков закон бытия, пусть даже Гамаюн всегда твердила обратное. Доля и Недоля зна-

ют свое дело, и каждая нить их пряжи тянется так, как надо.

А может, я в болото попал? Нет, серьезно? Нанюхался там газов, сижу сейчас под березкой и созерцаю замысловатый трехмерный галлюциногенный сон с эффектом присутствия. Просто ничего более абсурдного, чем огненный змей, ведущий философский диспут с красавицей-ведьмой, я даже представить себе не могу. У меня фантазии на подобное не хватит!

– Великий Полоз, мне не дано в полной мере понять твои намеки и замыслы, – вкрадчиво произнесла девушка, поклонившись змею в пояс. – Я отдала тебе свою кровь, а с ней – часть своей жизни. Если желаешь, можешь забрать жизнь этого человека, я приму вину за его смерть на себя и отвечу за нее полной мерой. Но молю – подари мне венец Гориславы! Он у тебя, в подземных кладовых, я знаю!

Редкая тварь! Взяла и отдала меня этой чуде-юде, даже не поинтересовавшись, хочу я того, не хочу.

Все, капец тебе, девка! Если уцелею, разумеется. Пока, увы, даже пошевелиться не могу, плотно меня эта тварь держит. Даже голову повернуть и плюнуть в эту стерву возможности нет.

А жаль!

– У меня, у меня, – убаюкивающе прошелестел Полоз. – И он, и посох Венельды, и плат Ратимиры, тот, в который пять волосков из бород пяти великих хазарских заклинателей вплетены. И девичий поясok Вольги, что Игорь в их

первую ночь развязал, тем самым навеки став ее супругом. Ох, много чего тот пояс может сделать, ни один муж перед его силой не устоит!

– К чему ты ведешь, Владыка? – напряженно спросила ведьма. – Я снова теряюсь в загадках.

– Хочешь даров? Послужи, – в раздававшемся свисте, который издал Полоз, я еле разбирал слова. – Есть те, кто желает то, что им не предназначено, и не только желает, но и берет. Украденное надо вернуть, а хитников тех по возможности наказать.

– Просто скажи, кого наказать и что вернуть, я все сделаю, – топнула ногой девушка.

– Дура девка, – тело Полоза дернулось, похоже, так он обозначил свой смех. – Те вещи тебе в руки сроду не дадутся. Ты ведьма, для них ты чужая. Но это не значит, что у тебя не будет службы. Будет. Пятью пять служб пройдешь, и, коли справишь их, поговорим. И ты, человек, это помни. Пятью пять служб – и тогда я заберу у тебя то, что сейчас от меня получишь, если сам того захочешь. Давно я этот дар никому не вручал, так что цени его. И помните: вы сами подрядились ко мне на службу, сами выбрали этот путь, не было в том моего умысла. А еще знайте: нерадивых слуг своих, если те ленятся, я всегда наказывал нещадно. Лень да праздность хуже воровства.

– Ничего подобного, – прохрипел я, остатками путающегося между реальностью и сумасшествием разума осознав,

что дело стало совсем плохо. – Мне служба не нужна! Никакая!

– За тебя решила все она, – тело Полоза снова дернулось, а его морда застыла в сантиметре от бледного лица девушки. – Потому ей теперь тебя оберегать да учить придется, ровно дитя малое. А как иначе? Твоя жизнь теперь равно что ее, вам друг без друга не быть. Но и ты за ней глядеть станешь, потому как, если она сгинет, тебе тоже не жить. Но последнее слово, человек, всегда будет за тобой. Твоя кровь напоила меня щедрее, чем ее, тебе и решать, куда какой дорогой идти.

– Так нельзя! – взвизгнула ведьма, цвет лица которой сменился с бледного на откровенно белый. – Нет!

– С Великим Полозом шутки плохи, – мои ребра затрещали – так эта змеюка сжала хвост. – Раз смелости набралась меня разбудить, то и получи за то награду, которую, по моему разумению, заслужила. Слово сказано, слово услышано! Примите же мои уроки и мои дары, выполните то, что от вас потребно, и, может, все еще переменится в ваших жизнях и судьбах. Жду вас на Змеиный день.

– Ох! – подала голос ведьма, схватившись за грудь. – До него всего-ничего осталось! Пятью пять служб!

– Управитесь, – с несомненной усмешкой прошипел Великий Полоз. – А ежели нет, так на следующий год День Змеиных Свадеб наступит. Желаете на нем гостьей побывать, ведьма?

А меня не спросил. Хотя я ничего бы и не ответил. Что за

дни такие, где они в календаре, поди знай...

— Да я досюда не дойду в урочный день, меня еще на входе в лес зажалют! — девушка повалилась на колени. — Слуги твои мое племя сильно не любят.

— И поделом, — заметил Полоз. — Но на этот раз не бойся, не зажалют, по крайней мере сразу. Дарю тебе на то право. И вот тебе еще один подарочек, пользуйся.

Не знаю, что он сделал с девушкой, только та покатила по траве, истощно завывая. А секунду спустя огромная огненная змеиная морда распахнула свою пасть перед моим лицом, после чего ее острые зубы вонзились в мою грудь.

В какой-то момент показалось, что меня засунули в костер, после я осознал, что не могу дышать и это, скорее всего, действие яда, который у такой-то зверюги наверняка особь ядреный, а после я умер. Не может человек после такого выжить.

И как же я удивился, когда осознал, что ошибался. Вернее, сначала пришел в себя, а уж после удивился.

— Очухался, Валера Швецов из Москвы? — хмуро спросила меня девушка, сидящая напротив и ворочающая палочкой угли в костре, который теперь пылал не так ярко и сильно. — Экая досада. Лучше бы сдох!

— Спасибо на добром слове, — я пошевелился и осознал, что сижу, привалившись спиной к дубу. — Ох, какой лютый бред мне привиделся.

— Да? — издевательски осведомилась у меня собеседница,

которая, кстати, успела переодеться, балахона и след простыл. Теперь на ней были черные джинсы и короткая кожаная куртка. – И что же тебе примерещилось? Не поделишься?

– Змея, – не стал чиниться я. – Вот такой вышины, вот такой ширины. Говорящая!

– Ух ты! – восхитилась незнакомка. – А что еще? Она, поди, и колдовать умела!

– То есть это был не сон? – уточнил я обреченно. – Вот, блин! А так хотелось не поверить своим глазам. Только вот теперь я за свое психическое здоровье начинаю бояться. Слушайте, но такого же не бывает? Нет на свете заколдованных мест, говорящих змей, волшебных колец и ковров-самолетов.

– Ковров-самолетов и правда нет, можешь успокоиться, – усмехнулась девушка. – В наших широтах точно. А вот с остальным – не торопись с суждениями.

Вот все же что хорошо в человеческой психике, так это ее гибкость. В какой-то момент нереальность происходящего дошла до такого градуса, что я просто перестал нервничать от осознания творящегося вокруг меня бреда. Ну есть и есть. Наступит утро – и вся эта чертовщина растает вместе с туманом, который вон уже начинает ложиться на луг.

– Ох, Валера Швецов из Москвы, если бы не Великий Полоз со своими древнеславянскими замашками, я бы из тебя сейчас всю кровь по капле выпустила, – мечтательно произ-

несла вдруг девушка. – Ты бы так орал! О смерти меня молил!

Вот тут я поверил сразу. Тон был самый что ни на есть миролюбивый, она, наверное, таким же с официантами разговаривает в ресторанах, когда еду себе заказывает. То есть буднично-привычный был тон.

Но при этом мне было предельно ясно – убила бы она меня. Как пить дать. И отчего-то мне кажется, что фиг бы я ей в этом помешал.

– Слушайте, я просто заблудился, – мне стоило большого труда вложить в голос максимум доброжелательности. – Увидел огонь, вышел на него. Откуда я мог знать, что тут происходит... Ну, то, что было.

– Это называется «обряд», – любезно сообщила мне девушка. – Очень старый, очень сложный, в котором надо учесть массу мелочей. Время, место, фазу луны, даже породы дерева, которые пойдут в костер. Количество крови, которую надо плеснуть в пламя. Вот только тебя, сокола ясного, я в расчет не взяла. А ты приперся и все испортил. У, скотина!

– Сами вы... – я окончательно осознал, что добра от этой красотки ждать не стоит, потому и миролюбие из голоса убрал. – Сказано же – случайно все получилось. Я, между прочим, из-за вашего обряда теперь, наверное, к психологу буду ходить, как американцы в фильмах. Душевную травму лечить. Я думал, тут среднестатистический лес, а оказалось,

вон, заповедник сказок. Огненные змеи и ведьмы вроде вас.

– Ты бы лучше парня поблагодарила, – вмешался в наш разговор кто-то третий, кого лично я не видел. – Он тебя от смерти спас! Причем два раза!

– От какой смерти? – устало возразила девушка невидимому собеседнику. – С чего бы?

– Дура ты, девка, – из дупла, которое, оказывается, имело место быть в стволе дуба, показалась голова, на которой красовалась изрядно потертая кепка-восемиклинка. – Если бы не этот человек, тебя сейчас уже мыши бы обнюхивать начали. Они к мертвым телам всегда первые поспевают. А там и муравейники бы открылись с восходом солнца.

Произносивший все это оказался сухеньким невысоким старичком, который неожиданно ловко для своего возраста выбрался из дупла, а после устроился у костра между нами.

Слова его девушка выслушала внимательно и, к моему великому удивлению, даже возражать не стала.

– Ты молода еще, ведьма, жизни не знаешь, – продолжал тем временем вещать старичок. – Потому и не поняла, что ты для Полоза служила забавой, которая на миг скрасила его существование. Забавляло его то, что какая-то смелая мошка что-то над ухом у него пищит, только потому он сразу тебя и не прихлопнул. Виданное ли дело – его, слугу Велеса, какая-то людская ведьма потревожить посмела? Ладно бы в тебе хоть капля старой крови текла, какое-никакое оправдание, так и этого нет. Да ты даже не глава ковена! В «черном

танце» не кружилась, «Голубиную книгу» в глаза не видела, к таинству вед не допущена. Ты о чем вообще думала? Вы там, в городе, совсем с ума посходили?

И снова девушка промолчала. Мало того – губу закусила, а значит, признала правоту этого странного существа.

– Если бы не этот человек, то убил бы он тебя, причем страшно, уж поверь. Смерть тела – ерунда, а вот душе твоей такое предстояло бы, что помыслить нельзя. Так что ты не ругать его должна, а благодарить, как то Покон велит.

– А второй раз я ее как спас? – мой вопрос удивил обоих, как видно, эта парочка не предполагала, что у меня есть право поучаствовать в беседе.

– Не «как», а «от кого», – благожелательно ответил странный старичок. – От меня. Если бы удалось упротить Полоза ее отпустить, то из леса все одно бы не вышла. Закрутил бы я эту шлендру по тропинкам, деньков пять по ним погонял, чтобы извелась вся, а после завел в овраг, где у меня волчья семья обитает. Им на прокорм, мне на радость. И в сороку или кошку, девонька, ты бы не перекинулась. Это мой лес, тут мои законы.

– Суров ты, дедушка, – глаза девушки нехорошо блеснули. – Мы вроде не ссорились. Я со всем уважением к тебе, дарами поклонилась, а ты меня волкам на съедение.

– А ты как думала? – в этот момент почти комедийный дедуська вдруг обрел некую монументальность, мягкие и расплывчатые в свете костра черты его лица приобрели до-

вольно грозные очертания, в нем ощутимо почувствовалась древняя и не очень добрая сила. – Прийти в мой дом да сотворить в нем волшбу, за которую в былое время не всякий волхв брался, – немалый проступок. А наши порядки тебе, ведьма, известны, и не говори, что это не так. Сотворила что – будь готова за дела свои ответить полной мерой. Да я-то что? Ты теперь думай, как перед хозяйкой ковена своего отплясывать на углях босыми пятками станешь. Или ты думаешь, что она не узнает о том, что здесь случилось? И мечтать о таком не моги!

– Откуда? – вкрадчиво поинтересовалась его собеседница. – Разве что вы восточку в столицу пошлете. Или нет? Может, не станете? Ну а больше тут никого нет. Я промолчу, этот, само собой, тоже...

– И не надейся, – старик захихикал, и вся его строгость улетучилась. – Мы-то с этим парнем, может, и промолчим, ладно, что уж теперь... А вот как ты наше солнышко ночное замолчать заставишь?

Я сначала не понял, о чем он, а после заметил, как палец на Луну показал.

– Когда такой владыка, как Великий Полоз, свой лик Ночи кажет, все силу имеющие про то мигом узнают, – назидательно произнес дед. – Так что не надейся, девка. Уже завтра тебя свои же терзать станут, визнавая, что ты от Велесова слуги ближнего получить хотела. Или, того хлеще, получила. И что бы ты им ни говорила, веры тебе все одно не будет.

Вы же, ведьмы, что сорная трава – и полезной овощи расти не даете, и друг дружку давите почему зря. Так что готовься, красавица, к огню да стали. Без них тут не обойдется.

– Я очень извиняюсь, – мне отчего-то стало жалко совсем сникнувшую девушку, являвшую сейчас собой довольно жалкое зрелище. – А вы вообще кто? Лесник?

Нет, так-то у меня вопросов было куда больше, начиная от того, кто такой Великий Полоз, и заканчивая огнем и сталью, которые светили этой вредной милашке. В смысле стоит ли так жутковато шутить над молоденькой девушкой, пусть даже и не очень приятной в общении? Вон, у нее глаза уже на мокром месте.

– Можно и так сказать, парень, – дружелюбно отозвался дед. – Но лучше зови меня Лесным Хозяином, так вернее будет.

– Да он все равно не поймет, – бросила девушка, шмыгнув носом. – Правильно вы говорили: городские мы и есть, ему сначала все разжевать надо, а после в рот положить. Валер, это леший. И сразу предваряя твой смех – самый настоящий. Над тобой никто не издевается, это не шутка. Этот господин – единоличник владыка леса, в котором мы сейчас находимся, здесь ему подвластно все: от листа на дереве до медведя. Просто прими эту информацию как факт и не вздумай шутить по этому поводу. В наших кругах не принято обижать хозяина в его доме, за подобное спрос быстрый и строгий.

– Первые разумные слова за все время, – приосанился старичок, поглядывая на меня. – Все так.

Леший. Огненный змей. А девушка, стало быть, ведьма. Не в смысле «ах ты, ведьма», а настоящая.

И что мне делать со всей этой информацией? Как к ней относиться? Ну, положим, все правда, как бы глупо это ни звучало. И? Дальше что? Надо же как-то на происходящее реагировать?

Самое забавное, что больше всего мне хотелось не засыпать новых знакомцев нелепыми вопросами, а есть. И спать. Даже не знаю, какое из желаний было сильнее.

Ну леший. Ну ведьма. А почему бы им и не быть? Я года два назад читал с десятков этнографических исследований конца девятнадцатого века, когда одной приятельнице помогал диплом писать, и смело могу сказать – Шекспир был прав. «Есть много, друг Горацио, на свете». Правда, не думал, что сам с подобным столкнусь. Но, с другой стороны...

– Да мне, дедушка, теперь все едино, – девушка снова шмыгнула красивым точеным носиком. – Хоть головой в пень бейся. До Змеиного дня меньше трех месяцев осталось, вот ведь какая штука. Валер, пятью пять сколько будет?

– Двадцать пять, – на автомате ответил я.

– Именно, – красавица провела ладонью по лицу. – Двадцать пять служб мы Полозу задолжали. И пока даже непонятно каких.

– Чего ж тут непонятного? – изумился леший. – Эх, чело-

веки! Слушать слушаете да ничегошеньки не слышите. Или соображать не желаете. Парень, давай-ка, грудь оголи.

Точно. Меня же змеюка в нее ткнула, а я и забыл со всеми этими разговорами глянуть, что там. Боли нет, но мало ли?

Я задрал майку, которая, кстати, даже порвана не была, и с удивлением обнаружил, что стал обладателем некой фигни, немного похожей на татуировку. Теперь у меня на груди переплетались между собой две ярко-алые змейки, небольшие, но очень детально выписанные. Очень тонкая работа, уж я могу оценить. Просто одно время спал с тату-художницей (которая требовала ее называть боди-графисткой), у нее росписи на теле хватало, была возможность по верхам данных премудростей нахвататься.

Вот тоже странно: Полоз меня клыками хватил в разные места, так как эти пресмыкающиеся в одном оказались? Чудо, не иначе. Как, впрочем, и все происходящее. Ничего, вон, уже светает, днем, крайний срок вечером, я буду в Москве, и вся эта хиромантия через неделю мне покажется дурным сном, который лучше всего забыть. И ерунда на груди, глядишь, сама рассосется.

– Давно я этого знака не видал, – буркнул Лесной Хозяин. – С того года, как француз к себе на родину утопал. Приходил тогда в мой лес один из Полозовых слуг, искал заходронку, что от супостатов осталась, да так и не нашел. Так-то добра у меня о то время много имелось, это да. Я в ту зи-

му волков на иноземном мяске хорошо подкормил, так что золотишко по оврагам встречалось, перстеньки там, оружия всякая, но того, что ему было нужно, у меня не имелось. Походил он да ушел.

— А можно яснее? — попросил я его, ощущая, как внутри рождается волна недовольства. Надоело мне загадки слушать, всему есть предел. — Кто — он? И кто теперь я?

— Ты — слуга Великого Полоза, — охотно отозвался дедушка. — Чего ж яснее быть может? Вон и знак его у тебя на груди. Смотри, там Стреча с Нестречей переплелись в один клубок.

— Батюшка, да с ним не так надо, — вздохнула ведьма. — Валера Швецов из Москвы, я тебя поздравляю. Ты теперь Хранитель кладов.

— Кто? — вытаращил глаза я. — Каких кладов?

— Разных, — передернула плечами девушка. — Тех, что в земле лежат, тех, что в домах спрятаны или на дне реки под песком зарыты. А самое главное, тех, что были забраны не теми людьми, которым предназначались. Клады — это ведь не просто золото-брильянты, которые копателю с металлоискателем сами в руки плывут. Нет, есть и такие, но их немного. А настоящие клады — они как мы, люди, у них есть душа, характер и предназначение. Пойдешь против их воли — много нехорошего произойти может. Не должны иные вещи находиться не в тех руках.

— Пятью пять, — пробормотал я, догадываясь, к чему она клонит.

– Двадцать пять, Валера, двадцать пять, – вздохнула ведьма. – И меньше трех месяцев в запасе. Змеиный день – двадцать седьмое сентября, в эту дату подданные Великого Полоза в сон до следующей весны погружаются. Наши предки в этот день в лес сами не ходили и детей не пускали, потому что вернуться из него обратно шансов почти не имелось. А нам придется прийти вот сюда и держать ответ за то, что мы успели сделать. Так что, господин Швецов, у нас впереди веселое лето.

– У меня отпуска на две недели, – мне все происходящее нравилось все меньше и меньше. – А потом снова трудовые будни начнутся. Мне не до кладов, которые невесть кто невесть когда вырыл.

– Пустые разговоры. Ты просто еще не понял, что все, что было твоим «вчера», уже никогда не превратится в «завтра». Но скоро все осознаешь, поверь, – ведьма встала и потянулась. – Ладно, слово за слово, а уже и рассвело. Поеду в Москву. Ты со мной?

– Нет, – буркнул я. – Мне к ребятам надо. Если туда подвезешь – скажу «спасибо». Правда, не знаю, куда «туда», заплутал я.

– Это мы уже слышали, – впервые за все время я услышал ее смех. – Ладно, что-нибудь придумается.

– Езжай, – вдруг велел Лесной Хозяин. – Знаю я, где его дружки, пешком мы быстрее доберемся.

– Кстати, – ведьма залезла в карман куртки и достала от-

туда белый прямоугольничек, — я твое имя знаю, а ты мое нет. Непорядок. Да и телефон мой тебе очень скоро понадобится, так что держи. И звони, можно даже ночью. Нравится тебе это или нет, но мы теперь с тобой как ниточка с иголочкой будем, минимум до двадцать седьмого сентября. Если раньше головы не сложим, разумеется. И не вздумай визитку потерять, ясно? Потом меня искать замучаешься.

Ну, выкидывать не стану, конечно, вот только, если верить лешему, тебя уже сегодня с пристрастием допрашивать станут, не до звонков тебе будет.

Ладно, кто ты у нас есть? Кто-кто? Директор салона красоты? Интересные нынче профессии у ведьм. Прогрессивные.

— Вот и познакомились, — я немного гротескно помахал девушке рукой. — Мое почтение, госпожа Воронежская Стелла Аркадьевна.

Глава третья

Как видно, дела в салоне у Стеллы шли неплохо, потому что села она в новенький, можно сказать, с иголки, внедорожник «Куллинан», на прощание нам бибикнула и вскоре скрылась из вида.

– Тьфу, – сплюнул Лесной Хозяин. – Отвести бы ей глаза, завернуть дорогу к заброшенным карьерам да и...

Что «да и», гадать не приходится. Не по нраву пришлась старичку эта красотка, ой как не по нраву. Да оно и неудивительно.

Просто, когда мы уже подходили к машине, Воронежская вдруг завела разговор о том, с чего вдруг Полоз решил облагодетельствовать меня своим знаком. Чего такого он во мне увидел? Нет, тема-то была интересная, особенно с учетом того, что я и сам пытался разобраться в той невероятной каше из мыслей, которая варилась у меня в голове, но у лучшего реакция на происходящее оказалась неожиданно резкой.

– Ты, девка, говори-говори да не заговаривайся! – гаркнул он так, что из листвы у него над головой вылетела всполошившаяся птица, до того беззаботно встречавшая утро незамысловатой трелью. – Если батюшка Полоз решил так поступить, значит, так нужно! И нечего воду мутить.

– Просто понять хочу, – медовым голосом промурлыкала ведьма. – Вы же много видели, много знаете, вдруг...

– Не вдруг, не вдруг! – остановившись, топнул ногой Лесной Хозяин. – Мое дело – лес, а любомудрие иной раз в одно место лучше засунуть. Сказать в какое? Вон твоя телега самобеглая, садись в нее и проваливай. И чтобы до Змеиного дня в моем лесу не появлялась. Сгублю, как есть на корню сгублю!

Уверен, неспроста Воронежская этот разговор завела. Что-то этот потешный старичок знает, что-то очень важное, но идти по ведьминым следам и пытаться выудить из него информацию я не стану. Себе дороже может выйти. Стелла сидит в машине с навигатором и скоро окажется в тех местах, где имеется цивилизация, а я остался тут, в лесу. Ну да, вот она, дорога, но, если я верно понял, этот дед может пальцами щелкнуть – и ее не станет. А ведь тут где-то еще и овrag с волками имеется.

– Ух, поганое семя, – проворчал Лесной Хозяин, подошел к широкому пню, которого мгновение назад в помине не было, уселся на него, сорвал мухомор, вылезший из-под земли прямо на моих глазах, и откусил от его шляпки изрядный кусок. – Родитель верно говорил: коли заявилась в лес ведьма, так жди неприятностей. Если не напакостит, так настроение точно испортит. Да ты присаживайся, парень, в ногах правды нет.

– Неприятная дама, – согласился с дедом я, плюхаясь на еще один пенек, появление которого меня уже даже и не удивило, – хотя симпатичная.

– Ты, главное, ей не верь, – леший отправил в рот остатки мухомора. – Ни в чем и никогда. Видел, она слезу пускала у костра? Врала, поганка такая. Сама вроде в грусти, а на деле уже думала, какую бы выгоду со случившегося поиметь.

– Так ясно какую, – я отмахнулся от мошки, вертевшейся над ухом. – Ей венец был нужен. Этой, как ее... Гориславы. Она Полозу про него говорила. Да, вы случайно не знаете, кто такая Горислава?

– Ведунья из старых, одна из тех, что книгу знаний писала, – леший сорвал еще один мухомор. – Слышал я про нее рассказы. Самые сильные из природных ведьм – ее потомки. Понятно, что они и каплей мощи своей прародительницы не обладают, но всяко больше других прочих могут натворить. Я так мыслю, что эта задрыга венец не для себя выпрашивала, а как раз для кого-то из наследниц. В нем же старой силы ого-го сколько, если знать, как ее зачерпнуть, много чего добиться можно. Ну а та, кто его новой владелице приволок, ясное дело, награду получит немалую. Может, власти побольше под себя подгребет, может, еще чего.

Книга знаний. Любопытно, каких знаний? И когда эта книга писалась?

– Так что, парень, не верь ей, – Лесной Хозяин выплюнул муху, попавшую ему в рот. – Ни слову, ни делу. Внешности тоже не верь. С виду молодая девка, а на деле поди знай, сколько ей лет. И, главное, пойми: вы теперь враги, держи это в уме все время. Забудешь – пропадешь.

– Почему? – искренне удивился я. – Ну помешал обряду, так что же, сразу враг?

– Вот дурень! – всплеснул руками леший. – Нет такой ведьмы, которая свободу выше всего на свете не ставит. Ну, может, только власть над остальными наравне со свободой почитает, но прочее разное – куда ниже. А по твоей милости Стелла эта теперь на привязь попала, не сказать хуже. Не она будет решать, куда идти, а ты, а ей, стало быть, подчиняться придется. Для нее это хуже смерти, соображаешь? Кабы не Великий Полоз со своим наказом, она бы тебя сразу под дерн отправила, как только он под землю ушел, ты бы даже в себя прийти не успел. Хотя нет, дождалась бы, пока очухаешься, чтобы помучить вволю за неудачу, так что твое счастье, что нельзя ей тебя убивать. Прямо скажем – свезло, что Великий Полоз за тебя заступился, свезло. Его запрет никто из детей Ночи нарушить не посмеет.

– Детей Ночи? – вырвалось у меня. – А это кто?

– Да все те, кто Луну за Солнце почитает, – широко улыбнулся собеседник, показав мне крепкие белые зубы. – Хозяева лесные, речные, полевые да болотные, ведьмы да ведьмаки, домовые да овинные, русалки, арыси, мавки... Много нас, не сочтешь. Да и ты теперь, выходит, кумпанию нам составишь. Белый день Великому Полозу не друг, его время – ночь. Он тебя отметил, в слуги определил, так что знай свое место. А оно тут, с нами.

Последние слова неприятно царапнули самолюбие. Что

значит «в слуги»? И вот это – «знай свое место». Я не собачка, никому не служу, на коврике у двери не сплю. Ну, было раз по молодости, я дверь спяну открыть не смог, так около нее и уснул. Но это другое.

– Хранителем кладов служить, конечно, невелика радость, – продолжал разглагольствовать леший. – Власти да силы с ноготок, а хлопот не оберешься. Но, с другой стороны, вашего брата многие уважают. Те же ведьмаки с ними в дружбе со старых времен пребывают. Им иногда надо что-то припрятать или, наоборот, древнюю захоронку какую найти да взять в обход затворных заклятий. Так к кому они на поклон идут? К вам, Хранителям. Вурдалаки из старых семей тоже вас очень чтут, у них свои интересы на данный счет имеются. Но с этой братией поосторожней надо, очень уж они мнительные и заносчивые. Чуть что не так – сразу в драку лезут.

А полезный старичок-то, знает много, сведениями делится. Правда, не все услышанное понятно, но это не страшно. Лучше что-то, чем ничего.

– Но ведьмы опасайся, – внезапно вернулся к изначальной теме леший. – Нет, убить собственноручно она тебя не посмеет, это уж наверняка. Сотвори она такое – уже на следующую ночь за ней самой придут и сторицей за нарушение Полозова повеления спросят. Но Смерть – она в разном обличье ходит. Может случиться так, что Стелла эта вроде и ни при чем, а ты все одно ногами вперед отправился странство-

вать. Ей хорошо: нет тебя – нет задания Владыки, она свободна. А ты помер, в земле лежишь, тебе холодно и грустно.

– Ничего не понял, – наморщил я лоб. – Это как же так может случиться?

– А я знаю? – пожал плечами лесовик. – Например, затащить тебя в такое место, откуда сроду не выберешься, но при этом так все устроить, что вроде как она и ни при чем. Мол, ты сам туда поперся, доброй волей. А она тебе не сторож и не мамка, с нее спроса за то нет. Уяснил, детинушка?

– Вроде как, – кивнул я.

– Но особенно ее опасайся не до того, как вы Полозов урок сполните, – очень тихо и очень серьезно сказал Лесной Хозяин, – после того ее бойся. Ведьмы никогда обид своих не прощают. Если надо, сто лет прождут, но счета сведут, не с обидчиком, так с детьми его, не с детьми, так с внуками. И эта тебе ничего не забудет. Сейчас за твоей спиной Великий Полоз стоит, но как выполните наказ да волю получите, так и все, защиты как не бывало. И вот тогда...

– Ясно, – не знаю отчего, но спина моя вспотела и по ней поползли мурашки. Наверное, от того, что дедка таким тоном все это изрекал, что его словам сразу хотелось верить. Это реально впечатляло.

Впрочем, страх этот был сиюминутный и ситуационный, потому что никакими поисками кладов для огненного червяка из сказок я заниматься, разумеется, не собирался. У меня на свою жизнь другие планы имеются.

– Хотя тебе и без нее есть кого опасаться, – совсем уж невесело вздохнул дедок. – А ты как думал? Хранителей кладов не так много, потому весточка о том, что Подземный Владыка нового сотворил, скоро всех, кому сие любопытно, облетит. А кое-кто, поди, уже это знает и думает, как тебя к своему интересу приневолить. Так что ты, паря, новых знакомых стерегись, посулам не доверяй да подарки особо не принимай. Дадут рупь, а спросят после сто. И вот чего... Человеки сильно любят разное обещать, а после про слова свои забывать. Особенно если зелена вина нахлещутся.

– Есть такое, – признал я, – случается.

– У нас за каждое слово, что прозвучало, особый спрос идет, – сурово встопорщил бороду леший. – Таков Покон. Не можешь – не обещай, а если уж сказал, то делай. Иначе плохо будет. Сильно плохо. Ты лучше побольше молчи и слушай, хотя бы на первых порах. А самое главное – ведьмы стерегись, она всегда будет ждать того, как ты оплошаешь. Каждый день. Каждую минуточку.

– Понял, – я вытер выступивший на лбу пот и подавил в себе желание спросить, что такое Покон. Второй раз за ночь это слово слышу. Или даже третий. – Спасибо за советы! Если не секрет, почему вы мне помогаете?

– Сделал ведьме гадость – на сердце пришла благость, – охотно ответил старичок. – А еще... Нас, Лесных Хозяев, когда-то Велес сотворил из вот таких пней. Чтобы за вотчиной его смотрели, заботились о ней как о дитятке родном.

А присоветовал это ему Великий Полоз. Вот и выходит, что он нам вроде как батюшка родной. Ты ему глянулся, а, стало быть, я тебе помочь должен. И другие мои братцы тоже, я им весточку отправлю. Ежели беда какая приспее, так ты в лес иди, всегда в нем найдешь защиту и кров, не сомневайся. Только вот что: в городе нас, лесовиков, не сыскать. Деревья у вас там есть, а нас, хозяев, нет, не можем мы там существовать. Слишком мало жизни вокруг и слишком много камня. И злобы через край. Нам там не можно быть.

– Это да, – признал я. – Злобы в городе хоть отбавляй. На том и стоим.

– Эхма. Ничего ты, гляжу, не понял, – с жалостью глянул на меня дедок. – Ладно, пошли, Валера, отведу тебя к приятелям. А там, глядишь, жизнь тебя сама всему научит, если смерть раньше не приберет.

Шли мы недолго, минут двадцать, и я даже не заметил, как оказался на той самой опушке, с которой вчера днем началось мое жутковатое путешествие в лесную сказку.

– Дрыхнут твои дружки, – хихикнул лесовик. – Не-не, ты не думай плохо, они полночи бегали, орали, тебя кликали. Гудели как заполошные железкой этой на колесах, всех птиц перепугали. Недавно уgomонились, часа полтора как.

– Чую, мало мне не покажется, – вздохнул я. – Добро, если только обматерят, могут и морду набить.

– Зато от чистой души, – обнадежил меня старичок. – От друга и синяк в радость – так у нас говорят. Дай-ка сюда.

Он цапнул ведерко, которое я так и таскал с собой. Правда, оно снова было пустое, растерял я за ночь все найденные накануне грибы. Впрочем, и не жалко. Подберезовик червивеет быстро, пара-тройка часов – и все.

Старичок вроде только шагнул за куст бузины, скрывшись за ним целиком, и на тебе – уже идет обратно, держа в руках мое ведро, доверху набитое белыми грибами.

– Вот, покажешь, может, и не сильно поколотят, – протянул он мне ношу. – Похлебку сварите, посидите у костерка, бутылочку откупорите, глядишь, и помиритесь.

– Спасибо вам... – и тут мне стало неловко, потому что и у него, как ранее у Стеллы, имени тоже не спросил. – А как вас величать? Знаю, с этого начинать надо, да больно ночь выдалась хлопотная.

– Зови меня дядей Фомой, – разрешил лесовик. – И вот что еще, паря. Братцы мои, если что, тебя примут, защитят, спрячут, все как я обещал. Но ты про вежество все одно не забывай. Пришел в лес – поклонись тамошнему хозяину, спина, чай, не переломится, да слово приветное скажи. А еще ржаного хлебца с собой прихвати да на первый попавшийся пенек, как за деревья ступишь, и положи. Мы хлеб-от сильно уважаем, вот только часто есть его нам не приходится. Забыли люди обычаи старые, забыли. Тогда все будет не только по добру, но и по чести. И не только в лесу таким будь, но и в поле, и на реке. Трясиннику, правда, можешь почтение не оказывать, неумытику эдакому. Перебьется. Да и одно у

него всегда на уме – как бы кого в чарусью затащить, потому в болото лучше без нужды не соваться. Нечего там человеку делать, мертвое это место. Смекнул, о чем я речь веду?

– А то, – я приложил руку к сердцу и поклонился. – Спасибо тебе, дядя Фома. И за помощь, и за советы.

– Может, и не сгинешь, – потрепал меня по голове лесовик. – Вроде не такой остолоп, каким сначала мне показался. Да, и вот еще что. Дуре этой передай: Великий Полоз смилостивился над вами и урок поменьше сделал, до дюжины служб снизил ваше бремя. При ней нарочно говорить не хотел. Пусть помучается, стервь такая.

В верхушках деревьев шумнул ветер, зашуршали кусты, и когда я распрямился, то понял, что остался один. Рядом никого не было, только где-то далеко мне померещился хохоток. Хотя, может, это и птица какая стрекотала, поди знай?

Ребята спали в палатке, из приоткрытого полога слышалось мерное похрапывание Сивого, но, как только я брякнул дужкой ведра, он что-то сонно прохрипел, а после высунул наружу голову, хлопнул глазами, заметив меня, и злобно заорал:

– Гендос, подъем! Эта сволочь нарисовалась!

Ох, как они на меня орали, и вместе, и по очереди. В смысле один отдыхал, второй драл горло, а потом менялись. Я в какой-то момент пожалел о том, что диктофон на смартфоне не включил. Вот стану известным и знаменитым, надумаю написать автобиографию, дойду до главы «Мои недо-

статки» – и не вспомню даже сотой части услышанного сегодня. А она, эта глава, сейчас, считай, целиком надиктована была.

В какой-то момент они оба выдохлись и у меня наконец появилась возможность вставить слово:

– А я грибов принес. Вот, один к одному.

– Идиот, – хлопнул себя ладонями по ляжкам Сивый. – Грибов он принес! Да я за вчерашний вечер и половину ночи чуть аккумулятор машины не посадил, библикая! Уже собирался знакомому из МЧС звонить, просить бойцов для прочесывания местности.

– Ты чего не позвонил, ущербный? – поддержал его Гендос. – Ладно-ладно, не дергайся, я понял, что сигнал ушел. Но ты бы на дерево вскарабкался, что ли?

А то я не сообразил это сделать! Но вслух озвучивать свои мысли не стал. Оно ведь как? Если оправдываешься, значит, виноват. А виноват – плати.

– Давай его побьем? – предложил вдруг Сивый приятелю. – И душу отведем, и Валерону вперед наука будет.

– А потом вещи в зубы – и пусть валит на станцию, – злобно рывкнул Генка. – Пешком!

– Не, пешком нельзя, – просопел Сивый. – Он ведь по дороге заблудиться может. Отойдет с нее в лес посикать да и сгинет в нем без следа. А нам потом следакам придется доказывать, что это не мы его прикончили. Лучше сам отвезу. Вот не полениюсь, снова все колдобины сосчитаю, но отвезу!

– Хорошо, – покладисто согласился я и зевнул, осознавая, что отключаюсь на ходу. – Но давай попозже, я жутко спать хочу. Днем поедем.

– Вот скотина наглая, а? – хмыкнул Гендос. – Каким был, таким и остался, ничего не изменилось.

– Хоть какая-то стабильность, – Сивый достал сигарету из пачки. – Ладно, иди дрыхни, а там поглядим. Раздолбай ты солнечный!

Усталость и сумбур прошедшей ночи сделали свое дело, и я уснул, по-моему, еще на ходу, до того как повалился на спальник. По крайней мере, я этого момента не помню.

А вот пробуждение было неприятным невероятно, из числа тех, когда сон покидать не хочется, но приходится. Увы, но желудок, который, как известно, частенько руководит людьми, опережая по степени влиятельности даже разум, дал о себе знать. Нет, кабы не запахи грибной похлебки, может, он и не заставил бы меня вынырнуть из забытья, но очень уж искушающим был аромат.

– Генк, как думаешь, если в котел лапшу китайскую бросить, она вкус не испортит? – услышал я голос Сивого. – Просто я читал, что раньше не с картошкой грибной суп варили, а с лапшой. Или в кино видел?

– Слышал звон, да не знаешь, где он, – хмыкнул Гендос. – Все подряд валить в котел – это варварство. И вообще, в вопросах еды лучшее всегда враг хорошего. Мне вот только жалко, что морковки нет, сейчас бы из нее пережарку сде-

лать для душистости.

– Еда, – высунул я голову из палатки. – Хочу-хочу-хочу! А потом хоть на станцию везите, хоть куда... Хоть на дереве вешайте! Только пожрать дайте!

– О, проснулся пропаданец наш, – иронично заметил Гендос, помешивающий черпаком варево в котле, висящем над небольшим костерком. Нет, у нас имелась специальная плитка, удобная и не громоздкая, но тут мои приятели, похоже, решили пойти традиционным путем приготовления пищи. Есть в еде, приготовленной на открытом огне, нечто сакральное, приближающее нас к истокам сути людской, к памяти предков. – Нам спать не дал, зато сам выдрыхся по полной.

– Неправ, виноват, скотина, – я вылез из палатки, подошел к костру и вдохнул ароматный пар, поднимающийся над котлом. – Уф-ф-ф, милота какая! Давай, разливай уже по тарелкам.

– Покомандуй еще, – легонько стукнул меня поварешкой в лоб Генка. – Когда готово будет, я скажу.

– Ты, Швец, только проблемы создавать да жрать мастак, – сообщил Сивый, впрочем, уже довольно миролюбиво. – А вот мы за вчера и сегодня два десятка монет подняли, причем неплохих, крестов нательных пяток да еще и знак старосты. И это с учетом того, что кучу времени на твои поиски потратили.

– Знак кого? – насторожился я, почесав грудь. После ночных походов это слово, произнесенное другом, поче-

му-то поселило во мне тревогу, так, словно оно само было неким знаком, напоминавшем мне о произошедшем.

– Деревня тут стояла большая, сам видишь, – Сивый показал мне светлый кругляш, который он в данный момент старательно надраивал. – Не село, разумеется, церкви не имелось, но люди-то, люди здесь жили, и было их немало. Если есть население, то должна быть власть, таковы законы бытия. А она – не только приказы, но еще и атрибутика.

– Самое забавное, что века прошли, а бардак остался тот же. Что они тогда, что мы сейчас – одинаково все, – рассмеялся Гендос. – Понимаешь, по «Положению о крестьянах» деревням старосты не полагались, только селам. Да на самом знаке, вон, надпись: «Сельский староста». То есть кто-то просто плюнул на условности и посадил управителя в деревне против всех уложений. Если нельзя, но очень надо, то можно.

– Или сюда наведалься староста из соседнего села в связи с праздником урожая, нажрался местным самогоном, а после уснул рожей в пашне, – возразил ему Сивый, причем это прозвучало как-то очень привычно. Как видно, подобные дискуссии у них были нормой. – Отвезти домой его отвезли, а знак затоптали, не заметив. Вон, ушко у него отломано. Вот он потом, небось, убивался!

– А чего еще нашли? – заинтересовался я, подходя к тряпиче, на которой лежал улов последних двух дней, и подцепил темную от времени монету. – Вот это чего за денежка

такая?

— Денга, — недовольно глянул на меня Сивый, отвлекаясь от спора. — Тридцать четвертый год, «четыреперая».

Я сначала подумал, он так шутит, коверкая слово, а оказалось — нет. И правда, это оказалась не денюга, а именно «денга». На ней для особо тупых, вроде меня, про это написано было. И насчет тридцать четвертого года тоже не соврал мой приятель, не уточнил только, что одна тысяча семьсот тридцать четвертого. Вот только с перьями я не сразу разобрался. Но после смекнул, что речь, вероятнее всего, идет о хвостовом оперении державного двуглавого орла. Там и на самом деле с одной и с другой стороны было по четыре пера. Как видно, в другие годы их там имелось больше.

Черт, ощущения, конечно, космические. Этой монете почти три века. Триста лет! Я держу на своей ладони добрую часть учебника истории для средней школы. Когда на монетном дворе ея императорского величества Анны Иоанновны отчеканили эту монету, мир вокруг был совсем другой. И речь не о социальном строе, это все чушь. Названия меняются, смысл происходящего нет. Я о другом. О том, что тогда, когда этот медяк перестал быть металлом и стал «денгой», Пушкин и Толстой, Наполеон и Чайковский еще даже не появились на свет. Ломоносов сравнительно недавно прибрел в Москву с рыбным обозом и теперь удивленно глазел на городские усадьбы вельмож, даже не предполагая, какие взлеты и падения его ждут. Фридрих Второй, которого еще

не называют Великим, лается с отцом, женится на нелюбимой женщине и только-только начинает задумываться о том, что государственные границы Европы неплохо бы немного поменять. Да что границы Европы? Карта мира тогда имела кучу белых пятен, поскольку длинные руки человечества еще до них не дотянулись.

Это все – прошлое, ставшее хрониками, книгами, гравюрами, архивами. С ним можно ознакомиться, но никто и никогда не расскажет, как оно там все было на самом деле. И все же свидетели той поры есть, например, вот эта денежка. Она не умеет говорить, но, сжав ее в руке, ты на секунду ощутишь, как пульсирует то, что никогда не вернется. Как пульсирует ушедшее, но не пропавшее навсегда Время.

– Валер, ты чего завис? – требовательно окликнул меня Генка. – Дай мне черный перец, он вон там лежит. Тот, что горошком, не молотый.

Выполнив его просьбу, я отправился в дальний конец деревни. Физиология есть физиология, а просьбу Сивого не гадить там, где будем копать, я запомнил хорошо.

Еле различимый шепот коснулся моих ушей не сразу. Я сначала подумал, что это шуршание джинсов, которые я натянул обратно, встав с корточек. Но нет, звук повторился, и теперь я даже различил несколько слов.

«Отпусти». «Отпусти». «Время».

Шепот становился все громче, все настойчивей, он звучал в моей голове так, будто я в уши вставил наушники-затычки,

подключенные к смартфону.

«Сроки вышли, устала. Устала, Хранитель. Те, кто оставил меня, ушли, их дети ушли и внуки. Отпусти, отпусти, отпусти!»

Вот тут меня слегка тряхануло. Когда человек начинает слышать голоса, источник которых неясен, то ничего хорошего от этого ожидать не стоит, это уж наверняка. И позитив в этом искать не стоит.

«Я рядом, Хранитель. Рядом. Дай мне волю!»

Хранитель. Самое главное-то я и не услышал сразу. Значит, не бред? Не чушь? Само собой, случившееся ночью мне страшным сном после пробуждения не казалось, что бы я там раньше ни утверждал. Нет у меня склонности к самообману. Но было и было, мир многообразен, в нем чего только ни случается. К тому же во время учебы я с теми же археологами общался много, мы и выпивали вместе не раз, наслушался от них всякого. На раскопах такие истории случались, что волосы дыбом встанут. Прыгающие каменные бабы в степях, могилы и курганы скифских вождей, после вскрытия которых половину экспедиции гадюки перекусали, прочее разное...

Но вот насчет голосов в голове уговора не было. Мне подобное на фиг не нужно.

«Я тут, я рядом. Хранитель, это в твоей власти!»

Такое ощущение, что молоденькая девчонка говорит. Жалобно так, пронзительно. Интересно, «тут» – это где кон-

кретно?

Ответ я получил почти сразу же. Совсем недалеко от меня, у остова одной из совсем развалившихся изб, обнаружилось нечто вроде легкого свечения. Ну, как будто под одеялом фонарик включили. В ночи, скорее всего, видно было бы куда лучше, но и днем этот свет я различил без труда.

А ведь это клад со мной говорит. С чего бы кому-то другому называть меня Хранителем? Правда, если кому подобное рассказать, психушка гарантирована. Я и сам, признаться, начинаю сомневаться в собственной вменяемости. Потому надо брать лопату и копать. Если там обнаружится захоронка – я не свихнулся. Если нет – плохо дело, надо искать психиатра. Не психолога, как я говорил шутейно Воронежской, а именно психиатра.

Лучше бы там что-то оказалось. Не из корысти этого желаю, а исключительно из соображений любви к себе единственному. Дом скорби не то место, где мне хочется быть.

На то, как я взял лопату, никто из моих приятелей внимания даже не обратил. Они опять спорили на какую-то историческую тему, явно получая от процесса этой перебранки немалое удовольствие. Вот так они отдыхали, так сбрасывали те стрессы, что копились весь год. И это не самый плохой вариант, как по мне.

Свет, когда я к нему приблизился, стал куда ярче, чем раньше, а в ушах послышался веселый девичий смех. Она, несомненно, радовалась, поняв, что ее просьбы были услы-

шаны.

А меня, кстати, этот смех насторожил. Вдруг я не должен этого делать? Ну да, убедиться в верности догадки следует, но все же? В том странном обществе, которое дядя Фома и Стелла называли «миром Ночи», действовали свои законы, и их было немало, это я усвоил. Может, один из них, например, запрещает Хранителям выкапывать клады собственноручно? Или надо слова какие произнести в этот момент?

А спросить не у кого. Даже интернет – и тот не помощник, как бы странно это ни звучало.

«Прошу тебя! Отпусти! Нет мочи!»

Как видно, клад уловил мои сомнения, голос теперь не смеялся, а только что не рыдал. Мало того, в свете, который стал совсем уж ярким, передо мной вдруг побежали картины далекого прошлого, чем-то напомнив мне то ли рисунки из старых книг, то ли самые первые кинохроники.

Бородатый мужик завертывает в тряпицу монеты, убирает их в горшок, чем-то закрывает его горло и кладет в яму, выкопанную около избы.

Мрачные люди выносят из дома несколько гробов.

На то место, где когда-то зарыли клад, ставят огромную бочку, стянутую обручами.

Пожар. Причем горящий факел в окно кидает солдат в старинной французской форме.

Вот снова на этом месте дом стоит, но выглядит совсем не так, как прежний.

И так картинка за картинкой. Клад рассказывал мне о себе, о том, что видел, что запомнил. Это было необычно, но при этом чертовски интересно. Я смотрел на происходящее как замороженный, не желая, чтобы оно заканчивалось. Просто никогда ничего подобного даже представить не мог.

Но вот деревня опустела, а после и дом, уже четвертый по счету, разрушился. И последней картиной, которую мне показали, оказался непосредственно я, сидящий среди густых трав на корточках, кряхтящий и мечтательно смотрящий в небо.

То есть, у кладов еще и чувство юмора есть?

Не знаю, это ли послужило причиной, по которой я все же принял решение, или что-то другое, но лопата с хрустом вошла в землю. И я ни капли не удивился, когда услышал, как она обо что-то скрежетнула.

Отбросив инструмент в сторону, я встал на колени и руками начал выгребать землю, ища то, что попало под штык.

Это оказались осколки глиняного горшка. Пока только они.

– Слова, Хранитель, слова, – голос звучал уже не в голове, а совсем рядом со мной, прямо за плечом.

Я опасливо повернул голову, но там, само собой, никого не увидел.

– Слова! – моляще протянула девушка.

– Да что говорить-то? – не выдержав, зло спросил я.

– Отпусти меня! – немедленно отозвался голос. – Навсе-

гда!

– Иди, – разрешил я. – Отпускаю. Иди туда, куда положено. Навсегда!

Ох, не напортачить бы. А если текст не тот?

– А-а-а-ах! – метнулся голос вверх-вниз, после что-то коснулось моей щеки. То ли это странное существо ее погладило, то ли вообще поцеловало – я так и не понял.

Но зато ощутил, как порвалась некая незримая струна, связывающая того, кто со мной говорил, и то, что лежало там, в яме. Навсегда порвалась.

А следом за этим среди земли тускло блеснул металл монет.

Глава четвертая

Браслет с замысловатой вязью узора, плетеный обруч с какими-то неясными знаками и золотое кольцо плясали перед взором, они словно говорили: «Вот, вот они мы». Но после чья-то короткопалая рука, униженная перстнями, хватала их, и пронзительный жалобный крик ввинчивался в мой разум, разрывая его в клочья.

Этот сон повторялся каждую ночь, всякий раз становясь все отчетливее и отчетливее. А крик, который сначала был еле различим, на этот раз чуть не свел меня с ума, причинив вполне осязаемую физическую боль.

Вынырнув из забытья, я провел по лицу рукой, стирая с него пот, и понял, что он странно густой и теплый.

Кровь. Это была кровь, текущая из носа. Однако! Происходящее начинало нравиться мне все меньше и меньше. То, что началось там, в можайских лесах, как странная сказка из детства, все сильнее приобретало довольно-таки мрачный оттенок. Сначала эти странные сны, теперь вот кровь на лице. И что дальше?

– Пш-ш-ш-ш-ш, – раздался неприятный звук из центра комнаты. – Пш-ш-ш-ш-ш!

Я резко повернулся на кровати и оцепенел. Неподалеку от балконной двери на полу обнаружилась здоровенная гадюка, свернувшаяся в кольцо и смотрящая на меня.

– Мать твою так! – непроизвольно вырвалось у меня.

Клянусь, она улыбнулась, услышав эти слова. Улыбающаяся змея – это невозможный абсурд, но из песни слова не выкинешь.

– Пш-ш-ш-ш, – змея расплела свои кольца, поднявшись чуть выше, прямо как кобра какая-то, и я заметил, как в лучах лунного света, заливавшего комнату, блеснула маленькая золотая коронка на ее голове.

Сдается мне, что эта незваная визитерша является прямым дополнением ко снам, мучающим меня уже которую ночь. Мне четко дают понять, что взятые на себя обязательства, пусть даже и против воли, надо выполнять. Пока по-хорошему просят, но, если буду дальше отлынивать, начнут по-плохому.

– Кусать меня не будете, ваше величество? – ощущая, как уходит естественный для человека страх перед рептилией, осведомился я.

Змея качнула шеей, словно говоря: «Пока нет, а там посмотрим».

– И на том спасибо, – вздохнул я. – Ваша взяла. Позвоню я завтра Стелле, позвоню.

В этот момент змея насторожилась и перевела свой немигающий взгляд с меня на дверной проем, за которым начинался коридор, ведущий к входной двери. Мало того, она словно изготавилась к атаке, раздвоенный язычок ее замелькал между двух страховлюдного вида клыков. И шипение из-

менилось, оно стало агрессивным и очень недобрым.

Я глянул в ту сторону. Никого. Пустота, полумрак.

– Чего там? – спросил я у нее, теперь уже точно будучи уверенным в том, что она меня понимает. – Вы чего, ваше величество?

– Пш-ш-ш-ш, – ответила змея, переводя взгляд в мою сторону, качнула головой, как бы говоря: «Смотри у меня», – а после молнией скользнула к открытой по случаю большой жары, пришедшей в Москву, двери, ведущей на балкон.

На ее пороге она остановилась, погрозила хвостом, точно пальцем, для этого чуть приподняв его, и скрылась в темноте.

– Уф-ф-ф! – я снова провел рукой по лицу.

Мне показалось, или по коридору протопали чьи-то ноги? Вернее, ножки, словно кошка пробежала?

Елки-палки, вот теперь мне снова жутковато стало. Но лежать, подобно ребенку, накрывшись одеялом с головой, – это не лучшая идея. Тем более что я его кровью перепачкаю.

Ни в коридоре, ни на кухне предсказуемо никого не оказалось. Значит, показалось. Ну, оно и неудивительно.

Сна, естественно, ни одним глазу уже не было, потому мне осталось только умыть перепачканное кровью лицо, взять сигарету и отправиться на свежий воздух, чтобы окончательно привести нервы в порядок. Единственное, я сначала внимательно глянул, не расположилась ли моя ночная венценосная гостья там, на полу балкона. Не дай бог ей хвост ногой

придавлю, тут-то мне со святыми упокой и настанет. Какой королевичше понравится, если ее высокопоставленное тело невесть кто топтать станет? Правильно, никакой. А клыки у нее ого-го какие были, если куснет, то мне мало точно не покажется. И потом, личный эмиссар Великого Полоза наверняка не просто там какая-то лесная гадюка. Это нечто более весомое, фольклорное. Короны даже в сказках абы кому не раздают. Например, Иван-дурак, получив ее, сразу становился Иваном-царевичем, хотя вряд ли за столь краткий отрезок времени сильно умнел.

С другой стороны, я сам виноват в том, что довел дело вот до таких визитов и ночных кошмаров. Ведь мне еще там, в заброшенной деревне, стало ясно, что с возвращением в город все не закончится, что влип я по полной, только звонить Стелле все равно не стал. То ли из природного упрямства, то ли еще почему, но не стал и все. Вот результат, получите и распишитесь.

Я выдохнул дымок сигареты, а после крутанул в пальцах левой руки тускло блеснувшую монету. Появилась за последние дни такая привычка, причем воспринималась она мной так, будто всегда была. Да я с этой денежкой вообще теперь не расставался.

Рублевик Екатерины Второй времен конца ее царствования. Красивый, увесистый, старый, он приятно холодила руку и волей-неволей заставлял вспоминать изумленные лица моих приятелей, когда они увидели меня с пригоршней пе-

репачканных земель монет.

– Во, – я вывалил найденное на столик, ощущая, как бурлит в венах кровь от переполняющих меня чувств. – Видали?! Серебро, не медь.

– Оба-на! – приятели мигом отвлеклись от перепалки и подскочили ко мне. – Неожиданно.

– «Катка», – уверенно заявил Сивый, цапнув одну из монет и осторожно обтерев ее рукавом тельняшки, которую не снимал с самого приезда. – Без вариантов.

– Поздняя, – поддержал его Гендос. – Согласен на все сто.

– Однозначно. Ставлю на девяносто третий, в заклад бутылка «Баллантайна», – Сивый лукаво глянул на приятеля. – Принимаешь?

– Девяносто первый, – Генка, прищулив глаз, покачал головой. – Хотя могу и ошибаться.

– А результаты розыгрыша когда узнаем? – мне и правда было интересно. – И сразу: я в любом случае имею право на часть награды в размере трети.

– Сейчас и узнаем, – усмехнулся Сивый, переворачивая денежку. – Блин, опять продул. С меня пузырь.

Да, Генка выиграл. На оборотной стороне монеты сверху полукругом была вычеканена дата «1791», причем единички на таковые даже и похоже не были. Скорее на галочки какие-то.

– Сохранность отличная, – заметил Генка, забирая монету у Сивого. – Нечасто такую встретишь.

– А как ты дату определил настолько точно? – с любопытством спросил я.

– Что рублевик времен поздней Екатерины, сразу было ясно – у изображения матушки-государыни шея короткая. Вот, смотри. На ранних монетах она куда длиннее. Как видно, в те времена лебединые шеи не в почете были.

И правда, голова шальной императрицы не то чтобы прямо из плеч росла, но шея была почти не заметна.

– А дальше – интуиция, – продолжил Гендос. – Ну и во-от эта точка у двойного «с». Видишь, насколько близко она к краю монеты расположена? Я и с этим, и другими годами сталкивался не раз, вот и запомнил. Так вот, на более поздних монетах она ниже проставлена. А на более ранних сама Катька немного по-другому выглядит.

– Точно, – хлопнул себя по ляжкам Сивый. – Подвела меня правительница всероссийская.

Ну да, то самое двойное «с» было частью слова «всеросс». Целиком титул на монету не вошел, потому на этом «с» титулование и кончалось.

– Монета, конечно, зачетная, но не «релик» ни разу, – Генка подкинул денежку на ладони, а после протянул мне. – Екатерининские «рублевики» часто встречаются. Но все равно нет повода не порадоваться за удачу друга.

– Еще один рублевик, – Сивый взял из кучки следующую монету. – Этот, правда, покоцанный.

Собственно, эти две денежки по номиналу оказались са-

мыми крупными, остальное было помельче. Среди найденного обнаружилась пара серебряных полуполтинников, один двугривенный того же металла, а остальное и вовсе медь.

– Где, говоришь, откопал? – Сивый, что твоя гончая, аж трясся весь от азарта, у него даже волосы, здорово поредевшие со времен школы, дыбом встали. – Вон там? Странно, странно... Сумма тут по тем временам немалая. Ладно бы староста ее закопал или кто из зажиточных крестьян, так с чего бы им на окраине жить? У них дома в центре деревни, небось, стояли.

Да нет, не похож был тот бородач, что некогда припрятал деньги под стенами своего дома, на зажиточного крестьянина. Я его лицо в видении, которое мне показал клад, хорошо разглядел. Да и на сильно добродетельного человека, признаться, этот селянин тоже не тянул. Сдается мне, он под домом то припрятал, что в темном лесе да залесье с кистенем на дороге приобрел. Ну, или каким другим, не сильно праведным, путем добыл. Заработай он такие деньги честно – сразу бы в оборот пустил. Не следует забывать, что в те времена цены были не так и велики, особенно по сравнению с теперешними, это сейчас восемь с половиной рублей, которые после подсчета и составили весь клад, – смешная цифра. В свое время, курсе на третьем, на одном из семинаров мы как-то обсуждали вопросы цен того времени с преподавателем. За гривенник можно было купить целую телегу с сеном, за тридцать-сорок копеек – живую курицу, чуть по-

дороже стоил живой гусь. За рубль, а то и подешевле, если сторгуешься, можно было прикупить пуд ржаной муки, за три рубля – телку. Нет, не красивую девушку, а крайне нужную в крестьянском хозяйстве корову. За пять – коня. А за десять – избу поставить. Причем это с материалом, работой и последующим «обмыванием» постройки.

Тут восемь с половиной рублей. Огромные деньги по крестьянским меркам. И их никак нельзя было светить перед соседями, которые немедленно задались бы вопросом: «А откуда они взялись?» Деревня же. Вот и закопал их добытчик под своим домом, здраво рассудив, что тут их шиш кто найдет. И оказался прав – не нашли. Даже когда новый дом ставили, не выкопали. Может, просто фундамент старого использовали? Ну или как там он раньше назывался?

Монеты я ребятам отдал. Ну, не то чтобы прямо совсем отдал, они сказали, что свою долю от реализации найденного я получу непременно, могу даже не переживать. Сивый навскидку оценил стоимость найденного, по его меркам, она оказалась совсем небольшой, но по моим, бюджетным, – крайне приятной.

– А как же «все передаю в музей»? – не удержался я от легкой иронии, припомнив наш с ним недавний разговор. – Мол, копаю не для денег, а исключительно для души.

– Если вещь историческая, из тех, что продавать грех, отдаю, – и не подумал обижаться мой приятель. – Какие-то ништяки дома держу, они у меня что-то вроде коллекции.

Монеты там, «мощевики»... Но только то, что сам в поле взял. Ну а вот такую «копанину» мы всегда скидываем ба-рыгам. Криминала никакого нет, это не раритеты, подобным добром не то что музейные запасники – любые «Нумизматы» забиты. Если выручка отбивает затраты на поездку, считай, отдых удался. А если превышает – это нам премия от земляного дедушки.

– Все так, – подтвердил Генка и взял из аккуратно разложенных на тряпице денег монетку. – Да и что тут нести в музей? Вот, например, «катин» пятак. На глазок – начало – середина семидесятых годов. Монета, конечно, «бодрая», не придерешься, но все равно ей цена – тысяча-полторы, не больше. Ну, если очень повезет, две за сохранность. И не евро, Валерон, а рублей. Вот и вся песня.

– За серебро, понятное дело, возьмем побольше, – заметив мою печальную гримасу, приободрил меня Сивый. – Вот этот полуполтинник, думаю, запросто на пятнашку потянет, а то и на двадцатку. Двугривенные неплохи, на них тоже погреться можно. Так что не грусти, Швец, со своего первого «копа» ты навар снимешь. Хороший знак, между прочим.

– А я вообще был уверен с самого начала, что Валерону матушка-земля подарок сделает, – заметил наш второй приятель. – Не просто же так ему после приезда всю дорогу одна «жбань» под лопату лезла? Ждала козырная находка нужного момента. Нет, что ни говори, а первый «выход» – это первый «выход». Не может новичку не свезти.

Будь это какие-то другие люди, я бы подумал, что меня сейчас пытаются развести, после чего при первой же возможности залез бы в сеть и попытался найти сайты по оценке монет, чтобы сравнить цены... Но не в этом случае. Этим парням я верю. Ну да, годы людей меняют, только, слава богу, не всегда и не всех.

Но одну монету из поднятого клада я все же оставил себе. Тот самый рубль 1791 года, на котором Гендос у Сивого пузырь вискаря выиграл. То ли как талисман, то ли просто как память о поездке. Ну и потом, глянулась мне эта монета. Так бывает. Вот смотришь и сразу понимаешь: это твоя вещь, для тебя сделана.

К тому же она мне добрую службу сослужила, причем буквально через несколько дней.

Пробыть весь срок, что мы наметили, в этой деревне у нас не получилось. Сивого вызвонили деловые партнеры, после чего он долго с ними ругался, приводя в основном нецензурные аргументы, но под конец сдался. Больно важный контракт надо было то ли подписывать, то ли обговаривать, не знаю точно, не вслушивался. Да и потом, меньше знаешь – крепче спишь.

Тем же вечером мы собрали вещи, а на следующее утро с рассветом отправились в путь, оставив позади себя аккуратно закопанные ямки, в том числе и не наши, а также полное отсутствие какого-либо мусора. Мои приятели придерживались неписаного кодекса копателей-любителей, который гла-

сил: «Убери за собой, не будь свиньей». Правильная позиция, уважаю и присоединяюсь.

Вот только, как выяснилось, путь не сразу в Москву лежал. Оказывается, у моих приятелей еще одно место имелось на примете, причем находилось оно не так далеко от столицы, и они с самого начала планировали туда на обратной дороге ненадолго заскочить, несколько часиков там походить. На него Гендосу один приятель наводку дал в обмен на какую-то услугу. У «честных» копателей, как выяснилось, продажа информации за деньги не особо практиковалась, в ходу были взаимные уступки и незамысловатые договоренности, которые, к слову, всегда выполнялись. Круг любителей побродить с металлоискателями был весьма широк, но большей частью все всех знали, если не лично, то понаслышке, в пределах Москвы и области – уж точно. И если кто-то позволял себе не очень честную игру, то очень скоро этот кто-то выпадал из движения как такового, оставаясь одиночкой, которому никто никогда ничем не поможет. Ни деньгами, ни связями, ни информацией. Копательство – тема сложная, многогранная, местами скользкая, на грани балансирования между законной и незаконной деятельностью, потому в ней «крысы» никому были не нужны.

Что до денег – они, разумеется, в этой сфере вращались, и немалые. Но вольные «поисковики» к ним отношения никакого не имели, им важнее был сам процесс, где царили азарт, пицание в наушниках, хруст подрубаемой лопаткой травы и

запах земли с раскопа. Ну а заработок... Будет – хорошо. Не будет – да и ладно, не за тем в «поле» ездим.

Хотя, случалось, переходили «копатели» в стан профессионалов, хоть туда попасть было очень и очень сложно. Вот там уже действовали совершенно другие законы и обычаи, одиночки были нормальным явлением, информация охранялась так, что иные спецслужбы позавидуют, и суммы озвучивались такие, что будь здоров. Но и риски увеличивались пропорционально. Если ты вышел на поле профессионального кладоискательства, будь готов к любым неожиданностям и неприятностям. Даже к тому, что в какой-то момент тебя самого вовсе изымут из обращения, как ту монету.

Потому выехали раненько, чтобы до вечера все же до города добраться.

– Поляна там, конечно, «выбитая», – толковал нам Гендос, подпрыгивая на переднем сидении, – но Вьюн сказал, что там «лежак» когда-то был, потому «потеряшек» море. Надолго хватит, причем всем.

Я потихоньку начал понимать язык, на котором общались мои друзья, перевод уже не требовался. Слово «лежак» означало, что на этой самой поляне некогда купцы, крестьяне и прочие мирные граждане устраивались на привалы или ночлеги и время от времени теряли разные вещи: монеты, ножи и прочую мелочь, которую теперь Сивый, Гендос и прочие искатели сокровищ называют «потеряшками». Покопались на этой поляне уже изрядно, потому она перешла в разряд

«выбитых», но шансы что-то любопытное отыскать остались.

— До Москвы один перегон оставался, вот прашуры там на ночевку и вставали, — заметил Сивый. — Самое то. Небось, на тракте пошаливали, в ночи никто не хотел до городских застав переться. А тут тебе и костер, и брага, и компания подходящая. И даже, возможно, девы блудные из числа окрестных разбитных вдовушек. Так, Генк, ты сегодня за штурмана, не забудь мне хотя бы за пару километров маякнуть, что сворачивать с трассы нужно. Координаты уже забил в навигатор или нет?

Когда я увидел поляну, о которой шла речь, я сразу поверил как в то, что здесь некогда стояли лагерем странники и купцы, так и в то, что она «выбитая».

Очень большое пространство среди леса, заросшее низенькой зеленой травкой, было изрядно перерыто. Так, будто тут целая колония кротов орудовала.

— Н-да, — Сивый почесал затылок, — Выюн, конечно, скотина. Нет, наводка верная, но хоть бы сказал, что про это место половина Москвы в курсе.

— Рассупониваемся, — непреклонно заявил Гендос. — Раз пришли — будем «ходить». Земля богата, все из нее никто никогда не выгребет. Часа три хотя бы побродим. Это дело принципа.

Именно ему первому удача и улыбнулась. Минут через пятнадцать Генка резко остановился, потоптался на месте, прислушиваясь к писку в наушниках, а после начал «зары-

ваться».

– «Николашка», – сообщил он нам с гордостью через пару минут, отчистив монету от земли. – Три копейки. И не «убитая».

– Год какой? – полюбопытствовал Сивый.

– А, – отмахнулся Гендос, – четырнадцатый. Ни о чем.

– Почему? – заинтересовался я. – Чем он от других отличается?

– Война началась, – пояснил Сивый. – Деньги она тянула как пылесос, потому их шлепать начали с очень большой скоростью, что ассигнации, что монеты. А медь – самая распространенное средство расчета царя-амператора с бра-тушками-солдатиками. Это енералы да охфицеры большую деньгу зарабатывали, нижним чинам было положено семьдесят пять копеек. Не, Валер, не в день – в месяц. И если жив останешься. Ну, унтерам или фельдфебелям, понятное дело, побольше, а солдатам – вот, медяки. Так что начеканили их за три последних года, что Романовы у власти стояли, море.

– А если до четырнадцатого года такую монету взять? – мне стало правда интересно. – В смысле найти. Она дороже будет?

– Отвлеченными категориями мыслишь, – усмехнулся Генка, снова беря в руки металлоискатель. – Год на год не приходится. Опять же сохранность важна.

– Наш с Гендосом общий знакомец Лука как-то «трюндель» пятого года поднял, – добавил Сивый. – Неплохой та-

кой «трюндель», чистый. Так почти сразу за «косарь» зеленых «купцу» скинул. Можно было еще пару сотен выторговать, но он не стал. И правильно, жадность порождает бедность.

– А если самого начала царствования? – упорствовал я. – Николай Второй когда на престол сел? В 1894? Вот если того года?

– В девяносто четвертом, кроме «полушек» с николаевским вензелем, ничего не чеканили, – Сивый тоже надел наушники. – Но если такую найдешь, да еще в приличной сохранности, с меня «купец», с тебя «поляна», она очень хороших денег стоит.

«Полушка» – это одна четвертая копейки. По нашим меркам вовсе воздух, по старым... Если совсем – то что-то. Если говорить о начале двадцатого века, то тоже уже почти ничего. Может, разве пирожок какой?

Ну а «трюндель» – это три копейки, соответственно. Интересно, почему 1905 год дороже, например, 1913? Вряд ли из-за русско-японской войны или первой революции.

А вообще стыдно. Из нас троих историк я, а знают больше вот эти двое. Путь их знания специфичны, но все же...

Как и когда я, ожидая попискивания, говорящего о том, что под землей меня ждет находка, убрел за березки, растущие на краю поляны, не знаю. Но вот убрел. Кстати, не я один, Сивый то и дело поступал так же.

Наушники молчали, а под деревьями было хорошо, по-

койно и прохладно, потому в какой-то момент я стянул с мокрой от пота головы наушники, аккуратно прислонил металлоискатель «Е-Трас», любезно одолженный мне Сивым, к дереву и сам уселся рядом, достав из кармана сигареты.

И вот тут я снова услышал зов, очень похожий на тот, что был в заброшенной деревне. Правда, на этот раз голос... Как бы так сказать... Мало в нем человеческого имелось. Это сложно объяснить. Скажем так: в компьютерном озвучивателе книг и то людских интонаций больше. А тут что-то совсем уж непонятное.

Но игнорировать его я не стал. Во-первых, интересно. Скажу честно – предыдущий случай меня очень заинтриговал. Вся эта демонстрация картинок и прочее... Ну да, немного жутковато, но невероятно любопытно. Во-вторых, азарт. Не жадность, нет, именно азарт. Очень хотелось еще один клад найти.

– Я тут, – взывал ко мне голос. – Иди сюда. Иди скорей, человек.

Мне бы сообразить, что слово «человек» произнесено не случайно, но какой там! Я шустро зашагал в ту сторону, откуда неслись стоны, не забывая при этом поглядывать назад и следя за тем, чтобы поляна все же хоть как-то виднелась за не такими уж густорастущими деревьями. Снова заблудиться у меня желания не имелось. Ну да, дядя Фома обещал, что теперь все лешие станут моими друзьями, но все же...

Потому чуть и не свалился от неожиданности на землю,

когда дошел до нужного места, находившегося, кстати, не так и далеко от поляны. Даже странно, что никто никогда досюда с металлоискателем не добрался.

С другой стороны, посмотрел бы я на вас, увидь вы то, что явилось мне.

Мне навстречу из земли выпрыгнул конский череп размером с обеденный стол. Зубастый, огненно-красный и призрачный. Привидься такое в ночи – точно бы оконфузился, а то и в обморок грянулся.

– Ох, ё! – я отшатнулся назад, вытаращив глаза. – Сгинь-пропади!

– Отпусти меня, – потребовал череп, лязгнув зубами. – Тебе власть на то дана! Сделай положенное и забирай все! А меня – отпусти!

– А что ты имеешь в виду? – уточнил я. – Слова сказать, как всегда?

– Я закладной! – в глазах черепа блеснули нехорошие багровые огоньки. – Или не видишь?

– Чего это? – мне показалось неправильным дать этому существу понять, что не только ничего не вижу, но и почти ничего не понимаю. – Закладной, ясное дело. Такое только слепой не заметит.

– Отдай мне одного из тех двух, что ходят рядом, – потребовал конь. – Одна жизнь за мою свободу – и забирай злато, Хранитель. Я уйду и не стану преследовать тех, кому ты его передашь, они смогут спать спокойно и умрут лишь тогда,

когда придет их срок.

Скажу честно, его слова меня порадовали. Нет, не в свете того, что у него золото есть, за которое надо платить жизнью одного из моих приятелей, речь о другом. Похоже, что мне в любом случае ничего не грозит, даже если я заберу клад против воли этой призрачной твари. Под раздачу попадут те, кому я его отдам, просто так или за деньги.

А вообще, надо срочно повышать уровень знаний. Я сейчас как папуас с автоматом Калашникова. Он тоже понимает, что штука это красивая и умеет убивать, но не знает, как именно.

– Злата много, – соблазнял меня череп, пуча глаза-огоньки. – Смотри сам!

И я увидел! Правда увидел. Прямо как в кино или игре, передо мной открылось нечто вроде окна в земле, и я увидел приличных размеров котел, в котором обнаружилась изрядная груда золотых монет. Да и не только их. Тускло поскверкивали камнями круглые броши и иные украшения, а несколько массивных перстней сиротливо жались к краям котла.

– Ух ты! – проникся я. – Здорово.

– Отдай мне одного из друзей, – промолвил конский череп, причем тон у него изменился. Он больше не просил – он требовал. Мало того, я все сильнее ощущал, что мне надо ему уступить и следует прямо сейчас сюда привести кого-то из ребят, чтобы отдать его душу этому существу. При-

чем данное желание с каждой секундой росло, как и огни в глазах мертвого коня. Они просто-таки поглощали меня без остатка, я не мог на них не смотреть. — Одна жизнь — вот плата, которую назначил тот, кто сделал меня стражем этих сокровищ!

Кладоносцем, лик которого мне наконец-то явил череп, оказался неприятного вида плечистый мужчина в потрепанном кафтане, явно снятом с чужого плеча, вооруженный до зубов и с кудлатой бородой. Сдается мне, именно он потряхивал на дорогах тех, кто не оставался ночевать на близлежащей поляне. И, судя по одежде, происходило это сильно не вчера.

А я ведь понял, что это за конь и к чему относится слово «закладной». Эту божью тварь при закапывании клада сначала убили, а после оставили в яме вроде сторожа, чтобы клад мог откопать либо тот, кто его положил, либо тот, кто знает, что делать. Подобные предрассудки в старые времена были не редкость.

Тут все лишние мысли вылетели у меня из головы, потому что череп рывкнул:

— Давай, веди жертву, Хранитель! Мое слово — твое дело.

Может, и подчинил бы этот адский скакун мою волю, кабы не рублевик, который я в кармане таскал. Не знаю отчего, но он изрядно нагрелся и просто-таки ожег мне ногу, вернув сознание на место, а мысли — в голову.

— Чего? — возмутился я. — Ты мне приказывать станешь,

тварь дикая? Мне, Хранителю кладов? Да я тебя сейчас прокляну!

Не уверен, что на подобное способен. Не в смысле по жизни, а чисто технически. Проклинать тоже надо зная, как мне думается. Опять же, как проклясть того, кто уже проклят?

Но сработало ведь!

– Прости, – страж клада сверкнул глазами, которые стали куда меньше, хотя злые огоньки так никуда и не делись. – Я устал тут ждать свободы, а ты первый, кто меня услышал. Сколько ни подманивал людей, которые рядом бродили, но не получалось. Не дано мне такое.

– А вот мне по штату положено, – заметил я. – Слушай, лошадка, а без жертвы никак?

– Никак, – оскалился череп. – Не опасайся, Хранитель, я сам ее заберу, на твои руки кровь и проклятие не падут. Ты, главное, мне ее отдай!

– Не заберешь, – вздохнул я. – Шиш тебе, а не моих друзей, так что лежи себе дальше, Буцефал, жди другого Хранителя. Ну или удачного стечения обстоятельств.

– Нет! – гаркнул бывший конь так, что у меня уши заложило. – Нет! Нет!

Но я его не слушал, я шел к поляне, где Сивый и Генка уже громко матерились, поминая мое имя. Они подумали, что я снова потерялся.

Конь орал еще долго, чем дальше, тем хуже его было

слышно, а когда я вышел на поляну, так он и вовсе смолк. И скажу вам так: хорошо, что мы сюда завернули, это был полезный опыт. Выходит, не все спрятанные сокровища настолько милы и покладисты, как та девица из деревни, есть те, которым людскую жизнь подавай. Или душу? Впрочем, не суть, важен сам факт того, что встреча с кладами может оказаться занятием не очень безопасным для окружающих. Мало того, эти земельные сидельцы и меня прессануть могут, причем очень неслабо.

И многие сайты, которые я изучил после возвращения в Москву, это подтвердили. Нет, разумеется, что фантазий, а то и очевидного бреда, там было куда больше, чем полезной информации, но кое-что по крупинкам я оттуда выуживал. Правда, про Великого Полоза я толком ничего не узнал. Сказы Бажова вылезали по ссылкам, еще какой-то фольклор, но по сравнению с тем, что я видел и слышал в памятную ночь на поляне у дуба, это все рядом не стояло. И про Хранителей кладов ни слова. Будто их и вовсе нет и не было никогда.

Как на работу выйду, надо в архивных базах покопаться, благо профессия позволяет мне это сделать. В большинство из них я имею доступ, а куда не имею – раздобуду. И знакомства кое-какие есть, и Розалия Наумовна, если что, пособит. Она мне симпатизирует, подобным грех не воспользоваться.

И все бы ничего, если бы не эти сны, которые начали посещать меня с завидной периодичностью. Они не давали мне покоя на пару со змейками на груди, которые становились

все больше и больше и то и дело болезненно свербили.

Апофеозом же всего этого стало сегодняшнее явление гадюки с короной на голове. Сдается мне, последнее предупреждение получено, дальше лирики не будет. Дальше суровая проза жизни начнется.

– Позвоню, – заверил я ночную мглу, сам не знаю для чего. – С утра наберу эту стерву. Слово даю.

Докурил сигарету, закрыл балконную дверь крепко-на-крепко да и отправился обратно в кровать. Может, хоть теперь по-людски поспать дадут? Победа за ними, я сдался...

Глава пятая

Гудок, щелчок, и мелодичный голос произносит:

– Вся во внимании.

– Стелла Аркадьевна, мое почтение, – решил я соответствовать приветственной фразе потенциальной собеседницы. – Это вас беспокоит...

– Скотина, – закончила за меня фразу Воронежская, голос которой моментально приобрел совершенно другие интонации. – Меня беспокоит сволочь, которую я уже три дня как разыскиваю с собаками, легавыми и гончими, но не могу найти. Белобрысого паскудника, нашкодившего...

И так минуты три. Причем дипломатические выражения закончились где-то на первой минуте, а дальше пошел такой отборный русский народный фольклор, что даже у моего соседа-грузчика, который по роду своей деятельности отменно умеет подобными выражениями оперировать, проснулось бы к этой даме уважение.

Я даже заслушался, честное слово. Ну да, это все производилось применительно ко мне, но столько в брань души было вложено, столько искренности, что она не могла не вызывать у меня восхищение.

– Убью! – наконец выдохлась ведьма. – Ух, поваляюсь, покатаюсь, Валеркиного мяса поевши!

– Было здорово, но все испортил повтор на последней ми-

нута, – вздохнул я. – Вернее, заимствование, да еще и безосновательное. Для употребления меня в пищу тебе сначала необходимо обзавестись костяной ногой, избушкой, вокруг которой черепа на кольях висят, и черным котом. И еще баней, в которой меня прежде попарить надо. Я Афанасьева в детстве читал, правила знаю. Меня не проведешь!

– Ты чего тянул со звоном, ущербный? – осведомилась у меня Стелла, не поддержав игривого тона. – У нас с тобой времени осталось всего-ничего, а ты его еще и в унитаз спускаешь!

– Не у «нас», а у тебя, – поправил ее я. – Основные претензии Полоза адресованы были в твой адрес, а я просто под раздачу попал. Не то время, не то место... Случается. Так что авось отбоярюсь, когда судный час грянет. А вот тебя змеи закусаят, это уж точно! Я нынче одну такую видел, впечатлился. С короной на голове, длинную, красивую. Ух, какие у нее клыки! Вот она тебя за ногу ими цап – и все, пиши пропало. Была красивая девушка Стелла – стала гранитная мрачная стела. И на ней надпись: «Она вечно лезла не туда, куда надо».

– А тебе палец в рот не клади, – заметила собеседница. – По локоть руку откусишь.

– И все кольца с нее потом еще сниму, – согласился я. – Как компенсацию за то, что меня подвергли сомнительной с точки зрения здравоохранения процедуре. Ты запомни, партнерша: у нас права неравные и обязанности тоже. Ты хо-

тела по легкой венец Гориславы срубить? Теперь заплатишь втридорога. И сразу – Полоз тебе его в награду не обещал, даже после выполнения его задания. Но я, Хранитель кладов, возможно, и замолвлю за тебя словечко, если мы все, что надо, сделаем. Вместе, а не по принципу: «Иди вперед, а если тебя убьют, я по тебе поплачу». Это так, к сведению.

Воронецкую надо сразу ставить на место. Я таких красивых и умных, как она, на жизненном пути встречал неоднократно, потому знаю, с какой стороны мох на дереве растет. Если дать им возможность хоть раз почуять слабинку, то очень скоро они сядут тебе на шею, свесят ножки и станут указывать, куда их нести, да еще пятками в твои бока бить, подгоняя. Так что придется немного погрубить и даже похамить, без этого никак. Зато позицию обозначу. И потом, мне на ее мнение наплевать, пусть думает что хочет, у нас есть общее дело, но и только, а про личные отношения речь не шла. Да и невозможно в этой жизни со всеми хорошие отношения поддерживать, так или иначе всегда будут те, кто тебя недолюбливает. Одним недоброжелателем больше, одним меньше – велика разница?

– Так ты плохой мальчик? – злость из голоса Стеллы ушла, в нем появились вкрадчиво-кошачьи интонации. – Люблю таких. Ершистый, злой, колючий как кактус. Кстати, о кактусах, ты как к текиле относишься? А, компаньеро? Или ЗОЖ – наше все?

Спасибо тебе, дядя Фома. Нет, я бы и сам догадался, что

эдакая смена направления настроения неспроста, но за совет все равно благодарен. Короче, к этой гражданке я не то что спиной – влобоборота не встану.

– Почему нет? – согласился я. – Куда пойдем?

– А у тебя точно есть денежки на такую даму, как я? – уточнила Стелла. – Сам понимаешь, в какой-то занюханный бар на окраине я даже не зайду. Мне хорошее и дорогое место подавай, чтобы авторская кухня и подобоострастное обхождение.

– То есть лавочка на Чистых прудах не вариант? – расстроился я. – Вот ведь, я-то думал именно там расположиться... У меня и пакет бумажный для той бутылки, что ты с собой принесешь, припасен, и газетка, на которой мы бутерброды с ливерной колбасой разложим...

– Смешно, – хмыкнула ведьма. – Ладно, номер твой у меня определился, сейчас эсэмэску с адресом пришлю. Приезжай, жду. Сегодня приезжай, а не потом! Лучше всего прямо сейчас. Нам есть что обсудить.

Место для своего салона она выбрала что надо, врать не стану. Ленинградский проспект, конечно, не самый центр, не Тверская и не Воздвиженка, но при этом далеко не окраина. Мало того, она под него еще и целый первый этаж жилого дома ухватила. Причем не нынешней постройки, а старой, а в те времена дома возводили на славу, на пространствах не сэкономили. Зал мастеров на пятнадцать-двадцать, не меньше.

Это же сколько она кому-то заслала, чтобы так развернуться? Или тут деньги вообще ни при чем, учитывая узкую специализацию госпожи Воронежской? Впрочем, плевать. Это те частности, которые мне безразличны.

А вообще я эти места давно объезжал седьмой дорогой, ибо отсюда рукой было подать до отчего дома, где я давно уже не бывал. И бывать не хотел.

У меня сложилось ощущение, что Стелла меня ждала, поскольку я толком войти внутрь не успел, как она величественным жестом положила мне руку на плечо и проворковала:

– Ну, наконец-то, милый. Я уж не чаяла тебя увидеть. Истосковалась вся.

А во рту у нее, оказывается, бриллиантовый зуб имеется. Тогда, ночью, я его не заметил, темно было, а теперь вон он, сверкает что твое солнце. Дорогая игрушка, у меня одна знакомая по прошлой жизни такой себе вставляла, так что порядок цен я представляю. С другой стороны, а как иначе? Имидж – наше все, особенно в ее бизнесе. И наряд вон под стать зубу. Не иначе как от «Altuzarra» брючный костюмчик-то. Хотя, возможно, и «Fendi», погончики и одна пуговица на пиджаке – их фишка. Юлька бы точно сказала, а я в этих вопросах не эксперт. Так, знаю кое-что, но не более того.

– И не говори, роднуля, – в тон ей ответил я и приобнял ведьму. – Ну что, айда по рюмочке жажнем, а после пообща-

емя? О том, о сем, вокруг да около?

– Руки, мальчик, руки, – потребовала Воронежская, но мою ладонь при этом сбрасывать с талии не спешила. – Не делай мне компрометацию при подчиненных.

Ну да, несколько любопытных взглядов я заметил, есть такое. А парочка из них так вообще сочувственными показала. Впрочем, исходили они от добрых молодцев, выглядящих как красны девицы, так что точно угадать мотивы этой жалости возможным не представлялось. Может, они жалели, что я хозяйку приобнял, а не их?

– Пошли в кабинет, молодой да ранний, – наконец выскользнула из моих объятий Стелла. – Пообщаемся, чего нет?

Против ожиданий, личные покои ведьмы оказались в плане обстановки вполне себе спартанскими и совершенно не наводящими на мысли о мрачных промыслах их обитательницы. Ни тебе препарированных летучих мышей, ни хрустального шара, ни сатанинской книги, ни... Чего там еще ведьмам полагается по законам жанра? В общем, ничего такого тут не имелось. Обычный офисный кабинет. Пара шкафов, добротный стол, диван у стены, окно во двор. Из всех предметов роскоши разве что ростовой глобус-бар наличествовал.

– Знаешь, сколько в Москве Валериев Швецовых? – спросила у меня Стелла, присаживаясь на краешек стола и беря с него стопку листов, на которых ярко выделялись красные

линии, которыми были зачеркнуты строчки. – Почти пять сотен. Это из тех, кто официально у сотовых операторов зарегистрирован, так-то, думаю, их больше. Из этого числа я сразу отбросила в сторону сотни полторы человек, они старше тридцати пяти лет, их можно в расчет не брать. А остальных пришлось обзванивать одного за другим. Лично! Не поручишь подобное никому, вдруг что-то не так сделают или неверно абонента поймут?

– Да ладно? – проникся я. – Прямо сама верхом на телефоне сидела?

– Представь себе, – бриллиантовый зуб снова ослепительно сверкнул. – Тебя, оленя в загоне, искала. И ведь, что особенно обидно, чуть-чуть не дошла по списку, самую малость.

– Закон всемирной подлости, – вздохнул я, устраиваясь на диване поудобнее. – Так всегда и случается.

– Но не со мной, – улыбка женщины перестала быть ласковой, теперь на меня смотрела злобная волчица, готовая разорвать горло кому угодно. – Я трачу свое время, я трачу силы и деньги на то, чтобы найти какого-то...

– Эй-эй-эй, – остановил я ее. – Давай не будем начинать нашу встречу с конфликта? Во-первых, в криках и угрозах конструктива ноль. Тебе меня не напугать, а мне тебя не удавить, так чего воздух зря сотрясать? Во-вторых, чем быстрее рассчитаемся с Полозом, тем быстрее друг от друга избавимся. Мне, поверь, с тобой лишний раз встречаться тоже радости мало.

То ли ей никто такого раньше не говорил, то ли еще чего, но в глазах ведьмы мелькнуло удивление. Это хорошо. Когда женщина удивляется, то она становится немного покладистой в беседе. В ней начинает говорить не упрямство, а любопытство, что дает дополнительные шансы на то, что ты добьешься от нее того, что нужно. Надеюсь, это правило работает не только с обычными женщинами, но и с ведьмами.

– А ты чего ждала? – я закинул ногу на ногу. – Если запомняла, так снова напомним одну простую вещь. Виновник наших общих неприятностей ты сама, нечего на меня их навешивать. Дала бы тогда телефон или дорогу указала – и все. Ничего бы не случилось от слова «совсем». Но нет, ты орать начала, буянить, руками размахивать, ресницами хлопать. Само собой, огненная змеюка из себя вышла и нам навешала по полной.

– Ну ты и хам! – как мне показалось, с долей уважения в голосе протянула Воронежская. – Видала я наглецов, но таких!..

– Это я еще не стараюсь! – мне показалось необходимым скромно потупиться. – Стесняюсь. Вот познакомимся поближе – и мой богатый внутренний мир раскроется перед тобой в полной мере!

– Главное, меру знай, – невесть откуда в руках Стеллы оказался острый нож с черным коротким лезвием. – А то ведь я на все плюну и вправду исследую твой внутренний мир, с огромным удовольствием раскрыв его прямо вот на этом

столе.

– Перегнул палку? – вздохнул я. – Да?

– Есть немного, – сурово подтвердила ведьма. – Ну, поиграли словами – и будет. Давай думать, как выпутываться из ситуации станем. Ты говорил о снах, плясать следует от них.

– Так и ты на них жаловалась, – заметил я. – Может, с тебя начнем? Дамы вперед. Я все же джентльмен.

– Мои сны просты, – невесело усмехнулась Стелла. – Великий Полоз снится, тебя велит искать да за дело браться. И еще разные страсти-мордасти обещает, коли за ум не возьмусь. А когда уходит, то остаток ночи его служанки мерещатся. Шипят, паскуды такие, клыки скалят, ноги оплетают. Или ты думаешь, что я тебя искать стала только потому, что по голубым глазам соскучилась? Фиг тебе, миленький. Я спокойно выспаться хочу!

Выходит, я еще в неплохом положении нахожусь. Привилегированном.

– Ну? – Стелла сложила руки на своей высокой груди. – Чего сидим, кого ждем?

– Никого, – покладисто ответил я. – Мне снятся три украшения, похоже, что очень старые. Если детально – браслет, кольцо, обруч. Браслет с гравировкой... Ну, не совсем с гравировкой, конечно, а ее подобием. Это старославянская вязь или что-то еще более раннее, чуть ли не символы. И остальные предметы ему под стать.

– Три – это хорошо, – оживилась Воронежская. – Очень

хорошо.

– Поясни, – попросил я, – если можно.

– Что пятью пять – двадцать пять, ты же помнишь?

– Помню, – подтвердил я. – И?

– Болван, – ласково прощebetала ведьма, подошла поближе и потрепала меня по голове. – Это количество вещей, что нам надо найти. Помнишь, он упоминал о том, что предметы не в тех руках и так далее? Ну вот.

– А, чуть не забыл! – я хлопнул себя ладонью по лбу. – Меньше надо, всего двенадцать. Мне лесовик про это рассказал, когда к лагерю вывел. При тебе не хотел говорить, очень ты ему не понравилась. Дескать, пусть помучается.

– Вот гад! – глаза Стеллы метнули молнии. – За такое терпеть их племя и не могу. То ли дело болотники да трясиники – серьезные и вдумчивые хозяева, с ними всегда договориться можно. Значит, дюжина? В разрезе текущего момента эта новость радостная до невозможности! Мы же тут сразу три предмета найти можем и тем самым кучу времени выиграем. Да и искать несколько вещей сразу куда проще, чем одну.

– Последнее сомнительно, – я прикинул, не охамет ли вконец и не усадить ли ее к себе на колени, но решил, что это уже перебор. Нет-нет, никакого сексуального влечения, просто я уже выбрал ту линию поведения, которой стану придерживаться, и теперь добавлял к ней мелкие штрихи. – Да и вообще весь наш разговор сейчас напоминает все те же рус-

ские народные сказки. Узнал Иван-царевич про яблоки молодильные, сел на коня и поскакал. Куда, в какую сторону, откуда он дорогу знал – не суть, главное, что через пару строчек он уже через забор в сад лезет. Да, мне снилось три украшения, да, их цапнула чья-то волосатая лапа – и только. Ты меня, которого в лицо видела, найти не могла, даже подключив свои способности и, полагаю, кое-кого из госслужащих в погонах. А тут просто побрякушки, просто рука. Ерунда это все.

– Послушай меня, Валера, – Стелла вдруг сама взяла и села ко мне на колени, закинув руку на шею. От нее пахло терпкими духами и еще чем-то неуловимо знакомым, – давай сразу договоримся вот о чем. Первое – я не желаю слышать слово «не найдем». Найдем, у нас выбора нет. Второе – не следует выдавать мне информацию дозированно. И не надо думать, что есть детали, которые мне не следует знать. Мы в одной лодке, по крайней мере до двадцать седьмого сентября. Все, что знаю я, будешь знать ты, и наоборот.

– Все не расскажу, – заявил я. – На кой тебе информация о моих детских заболеваниях? Или о том, почему я в армию не пошел?

– Послушай меня внимательно, – ее губы оказались совсем рядом с моим ухом, – и уясни раз и навсегда. Если из-за твоего раздолбайства мне придет конец, то я тебя с собой утащу обязательно. Даже не сомневайся. Клянусь книгой Вед, клянусь Луной и той душой, которой у меня нет, так

и случится. Я оттуда вернусь, если что, и все равно тебе горло перегрызу. Я ведьма, мне терять нечего. Вся моя жизнь – тут, а там я буду платить за то, что здесь натворила, так что на прощение не рассчитывай.

Вернется. Перегрызет. Шутки и правда кончились, тут уже без дураков.

– Хорошо, – сменил я тон, спихнул ее с колен, встал и подошел к столу. – Будь по-твоему. Я карандашик с бумажкой возьму?

– Возьми, – разрешила Стелла, закинула руки на спинку дивана и потянулась так, что единственная пуговица на пиджаке чудом не оторвалась. – Порисовать решил, маленький?

– Что-то вроде того, – я уселся за стол. – Не знаю, как это нам поможет, но...

– Вот теперь мы начали деловой разговор, – Воронежская склонила голову к плечу. – Наконец-то. Да, ты не знаешь, что это за украшения. Я, скорее всего, тоже, антиквариат и магические предметы не мой профиль. Но мы в Москве, мальчик, а тут кого только нет. Если есть желание, то можно узнать все и обо всем, были бы знакомства, связи, деньги или то, что их заменит. Я знаю многих, многие знают меня. Поищем – найдем, главное – понять, что ищем. Так что там за рука была?

– Короткопалая, волосатая, с перстнями на пальцах, – ответил я, орудуя карандашом. – Хорошие такие перстни, дорогие. Один с алмазом, другой с рубином.

– Это рука того, кто сейчас владеет предметами, – уверенно заявила Стелла. – Лучше бы ты лицо увидел.

– А в идеале – адрес того дома, где сей таинственный незнакомец обитает, – огрызнулся я, подавив в себе желание назвать ее «мисс Очевидность». – Что показали, про то рассказал. И на том спасибо.

– Уж и помечтать нельзя, – возмутилась ведьма. – Я женщина, мне свойственен полет фантазии.

– Тоже верно, – согласился я. – Вот еще вопрос. Ну, найдем. А что после? Как мы их заберем? Сразу предупреждаю: с законом в конфронтацию вступать не буду, даже ради сохранения твоей жизни!

– А своей? – с ехидцей поинтересовалась Стелла.

– Если вопрос будет стоять так, что или я, или кто-то другой, то да. А если ситуация нейтральна, то нет.

– Не надувай так щеки, тебе это не идет, – попросила меня ведьма. – Хорошенький ведь мальчик, а как «фыр-фыр» начинаешь делать, то сразу на жабу становишься похож. И раньше времени не думай о том, что будет после. Потом наступит потом, ясно? Давай смотреть на то, чем мы займемся, как на некий деловой процесс. Бизнес-план мы уже составили, сейчас определимся с направлением работ, а после перейдем к чему?

– К чему? – поднял я на нее глаза. – Стелла, я не коммерсант ни разу. Я госслужащий, а в дипломе о высшем образовании у меня запись «архивист». Я не знаю, что там идет

дальше. Видимо, поиск чиновника, который обеспечит правовое прикрытие?

– К маркетингу мы перейдем, неуч, – ведьма встала с дивана. – Ну, нарисовал уже? Показывай мне свои шедевры, Ван Гог доморощенный.

– Сама ты... – беззлобно ругнулся я. – Сейчас. Пять сек – и готово.

– Он еще и язык высунул! – всплеснула руками Воронцовская. – Великая Мать, с кем я связалась? Детский сад – штаны на лямках. Давай сюда!

Я протянул ей два листка, на которых как мог изобразил то, что видел во сне.

– А недурственно, – одобрительно произнесла ведьма. – Художественная школа?

– Два года, – признал я. – И мама учила, она художница. Ну, была когда-то.

– Вполне, вполне, – Стелла склонила голову к плечу, похоже, это у нее привычка такая. – Да, ты прав, это вещи очень старые.

– Ты с ними сталкивалась? – оживился я. – Скажи, что да!

– Мы договорились вроде друг другу не врать, потому – нет, не сталкивалась. Но ритуальное письмо я ни с чем не перепутаю. И еще, я про такие браслеты читала. В некоторых славянских племенах в совсем уж старые времена их вручали юношам после того, как они проходили испытания, эдакую инициацию, введение в основной состав, так сказать. Ну, до

них ты мальчик, после – мужчина и воин. Если, разумеется, не оплошаешь. А поскольку тут золото, то, выходит, браслет этот не меньше, чем сыну главы рода принадлежал.

– Стелла, у них в те времена демократия была, – поправил я ведьму. – Пусть немного дикая, но все же. Глава рода да и князя из ранних – первые из равных, но не более того. И к золоту отношение было не настолько трепетное, как сейчас.

– Золото всегда было золотом, а вождь всегда оставался вождем. В любое время, в любом обществе, даже первобытнообщинном, – скривила рот Стелла. – И устремления у вождя всегда одинаковы: власти побольше, конкурентов поменьше, и чтобы именно его потомки заняли то место, которое он освободил. Потому дети простых ратников получали медные браслеты, отпрыски ближников – серебряные, а сынуля – вот этот, благородного металла. Так сказать, кто на что учился.

Наговаривает, зараза, на наших пращуров. Но не стану возражать, пустое это. И к делу не относится.

– Венец и кольцо, – задумчиво бубнила в это время ведьма, – самые обычные на вид.

– Слушай, а может, ты права? – я почесал затылок. – Может, это и правда комплект? Браслет сына, кольцо дочери, венец...

– Жены, – подняла на меня глаза Воронежская. – Он очень похож на брачный, из тех, что жених невесте на свадьбе надевал. Такой обычай тоже был. Интересная идея, Валера, и

даже очень. То есть кто-то, к примеру, некий князь, сложил все в ларец и закопал, предварительно наложив на это добро некий заговор от лихого человека. Ну, или что-то в этом роде. Клад нашли, но условие не выполнено, и вот результат – мы сидим и гадаем, что к чему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.